

МОЙ УРАЛ СКВОЗЬ СТОЛЕТНЯ

В. А. Иванов

ПУТЬ Ахмеда ибн-Фадлана

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Биишевой

УФА • 2010

УДК 94(470.57)
ББК 63.3 (2 Рос.Баш)
И 20

Иванов В. А.

И 20 Путь Ахмеда ибн-Фадлана. — Уфа: Китап, 2010. — 64 с., ил.

ISBN 978-5-295-05127-2

В книге известного ученого-археолога, историка, профессора БГПУ им. М. Акмуллы В. А. Иванова в популярной форме освещаются события X в., связанные с посольством, в 921 г. отправленным халифом ал-Муктадиром из Багдада в Волжскую Булгарию с целью установления военно-политического союза между Халифатом Аббасидов и Волжской Булгарией. Секретарь посольства Ахмед ибн-Фадлан составил записки («рисала»), в которых подробно описал маршрут, народы, через земли которых проходили багдадские послы — огузов, печенегов, древних башкир, волжских булгар. Эти записки по праву считаются ценнейшим источником по истории и культуре народов Урало-Поволжья эпохи средневековья.

Опираясь на этот документ, а также привлекая сведения других средневековых письменных источников и археологии, автор рисует широкую картину этнической и политической истории Южного Урала и Поволжья в IX — X вв.

Книга предназначена для школьников, студентов, преподавателей истории и культурологии, а также для всех читателей, интересующихся средневековой историей нашего края.

ТП – 111/10

УДК 94(470.57)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)

ISBN 978-5-295-05127-2

© Иванов В. А., 2010

ПУТЬ АХМЕДА ИБН-ФАДЛАНА

В начале X в. Великая Исламская империя арабов переживала далеко не самые лучшие свои времена. Внешне, на первый взгляд, все было блестяще: территории, подвластные багдадскому халифу, простирались на огромные пространства от Индии до Испании, крестьяне исправно пахали и сеяли, процветали города, торговые караваны, как челноки,

Багдадский Халифат и соседние государства в X в.

сновали между ними, наполняя базары разнообразными товарами, воины-гулямы рьяно несли свою службу, пока еще успешно подавляя любое выступление против власти халифа. Ислам успешно утверждался на берегах Инда, в Африке на побережье Средиземного моря и даже начинал проникать в среду тюркских кочевников степей Урала и Поволжья.

Но изнутри Багдадский халифат уже расшатывался группировкой знати, боровавшейся, с одной стороны, за полное сохранение за собой своих владений и доходов с них, а с другой, — стремившейся видеть на халифском троне именно своего ставленника. В этих условиях, когда в 908 г. умер халиф ал-Муктафи, два влиятельных при дворе лица — начальник гарема Сафи аль-Харам и *визирь* ал-Аббас ибн-ал-Хасан — сделали все, чтобы посадить на трон младшего брата покойного халифа Джафара ал-Муктадира, которому тогда едва минуло 13 лет. Это им удалось, и вполне естественно, что при юном халифе именно они стали фактическими правителями государства. Визирь ал-Аббас — второе после халифа лицо в государстве — прибрал к своим рукам управление всеми финансами и армией, расставив на всех ключевых государственных постах своих многочисленных родственников, а старый начальник внутренних покоев дворца Сафи аль-Харам превратил жизнь халифа ал-Муктадира в сплошную череду праздников и развлечений. Подросток, а затем и юноша халиф настолько втянулся в эту веселую и беззаботную жизнь, что приказал выбить *динар*, на котором был изображен он сам, пьющим вино и играющим на лютне.

И вот в разгар такой веселой жизни весной 921 г. в приемных покоях халифского дворца появился посол из далекой северной страны с письмом от царя «сакалибов». Посла звали Абдаллах ибн-Башту по прозвищу Хазарин, а царя «сакалибов» — Алмуш (Алмас), сын Шилки. В своем письме царь Алмуш просил халифа «о присылке к нему кого-либо, кто настаивал бы его в вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от его, халифа, имени *хутбу* в его собственной стране и во всех областях его государства, а также он просил о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей своих противников».

Кто же они были — «сакалибы» и почему их царь с такой серьезной

Серебряный динар
с изображением халифа
ал-Муктадира, пьющего вино
и играющего на лютне

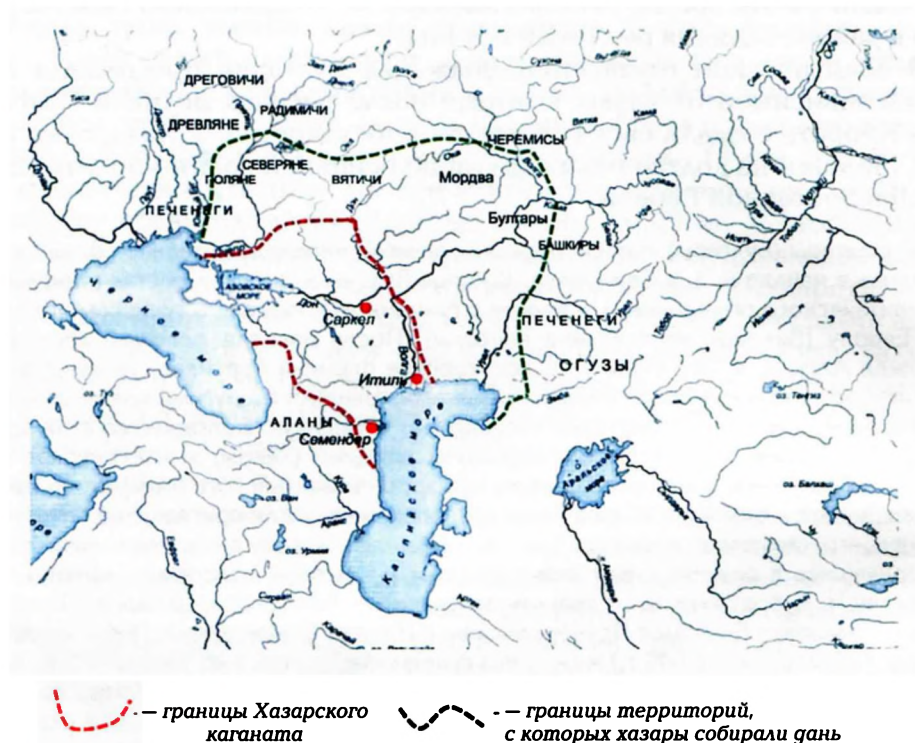
просьбой обратился именно к правителю правоверных? Традиционно в российской исторической науке принято считать, что термином «сака-либы» средневековые арабские и персидские авторы в своих сочинениях обозначали славян. В общем-то это так. Но корнем этого слова является тюркское «сакал» — борода. Следовательно, «сакалибы» — бородатые, бородачи, то есть люди, своим внешним видом отличающиеся от безбородых тюрок, хорошо известных средневековым арабам и персам. В данном случае царь «сакалибов» Алмуш/Алмас — это царь народа волжских булгар, именно в это время, то есть в начале X в., создававшего свое государство в районе слияния рек Волги и Камы.

В политическом отношении Волжская Булгария продолжала оставаться зависимой от хазар, которые после распада Великой Болгарии хана Кубрата создали свое собственное государство — Хазарский каганат, ставший на долгие годы едва ли не основной военно-политической силой в Восточной Европе.

Болгары (булгары) — союз тюркских племен, предположительно сформировались в начале н. э. в Семиречье. В конце IV в. н. э. вошли в состав гуннского политического объединения и вместе с гуннами участвовали в гуннском походе в Европу (Великое переселение народов). После распада гуннской державы вождя Аттилы, в 30-е годы VII в., болгарские племена барсилы, уногундуры, утигуры вместе с подвластными им адыгами, аланами и другими племенами на Северном Кавказе создают свое государство — Великую Болгарию со столицей в г. Фанагории. Основателем и первым правителем (ханом) этого государства был Кубрат, юность которого прошла при дворе византийского императора Ираклия, куда он был взят то ли в качестве заложника, то ли приглашен в качестве будущего союзника и друга. Там он крестился и получил звание патрикия. Вернувшись в родные степи уже взрослым и опытным человеком, политиком и воином, Кубрат вместе со своими сыновьями — Аспарухом, Батбаем и Котрагом — завоевал Северное Причерноморье и Нижнее Поднепровье. После смерти хана Кубрата (около 640 г.) между его сыновьями началась ожесточенная борьба за власть. В ходе этой междоусобицы из-под власти болгар первыми вышли племена хазар, некогда покоренные ханом Кубратом и поселенные им в окрестностях г. Дербента в качестве пограничной стражи.

В середине VII в. Великая Болгария хана Кубрата окончательно распадается. Один из его сыновей — Аспарух — вместе со всей своей ордой уходит на Балканы, где в 680 г. складывается болгаро-славянский этнополитический союз Дунайская Болгария (Первое Болгарское царство). Второй сын Котраг уводит свою орду вверх по Волге до Самарской Луки, где болгары-переселенцы вступают в длительную борьбу за территории с местными протославянскими и пришлыми угорскими племенами, одновременно вышедшими на Среднюю Волгу из-за Урала. Орда хана Батбая (барсилы или «серебряные булгары») первоначально подчинилась было хазарам, но в 40-е годы VIII в. уходит вслед за своими сородичами на Среднюю Волгу, где и начинают вместе с ними строить новое государство — Волжскую Булгарию.

Территория Хазарии располагалась между Нижней Волгой, Доном, Азовским морем и предгорьями Большого Кавказского хребта. Хазары контролировали Волжский торговый путь, южную часть торгового пути «из варяг в греки», города Крыма, Транскавказский торговый путь, собирали дань с части племен восточных славян. Правители волжских булгар еще в начале X в. носили официальный титул *ылытвар* (эльтебер) — тюркский титул зависимого от хана главы племени или племенного союза.

Карта Хазарского каганата IX — первой половины X вв.

Культурное влияние Хазарии (точнее, племен, ее составляющих) простиралось очень широко. Хазарские наборные пояса, предметы вооружения и конской сбруи, типы женских украшений и амулетов встречаются у племен Южного Урала, Прикамья, волжских булгар, древней мордвы, марийцев и удмуртов. На своей территории хазары строили военно-торговые опорные пункты-крепости, приглашая для этого византийских строителей и инженеров-фортификаторов. Известный казанский исследователь фортификационного дела ранней Волжской

Булгарии А. Губайдуллин высказал предположение, что и в оборонительных сооружениях городища Уфа-II прослеживаются элементы хазарской военной архитектуры.

Это было смешанное в этническом и религиозном отношении государство, в котором основными народами-этносомами являлись тюркоязычные хазары и булгары, и ираноязычные аланы при политическом господстве хазар. Каждый народ исповедовал свою религию, хотя в общем, согласно древнетюркской традиции, все они были язычниками-шаманистами. Впрочем, археологические материалы свидетельствуют и о том, что среди хазар и булгар были мусульмане, а среди аланов — христиане.

Основным содержанием политической истории хазар периода становления и расцвета Хазарского каганата были войны с Арабским халифатом, о чем свидетельствуют арабские и армянские средневековые письменные источники: войны за обладание Кавказом, точнее, провинцией г. Дербента (*араб.* Баб ал-абваб), через которую проходил единственный сухопутный путь в Европу. Арабо-хазарские войны VIII в. закончились вытеснением хазар арабами в северные предгорья Боль-

*Фото хазарских вещей с территории
Южного Урала*

Хазары — тюркоязычный народ, пришедший в Восточную Европу на рубеже VI—VII вв. вследствие распада Западного Тюркского каганата, в состав которого они входили, как вассальные племена, но здесь стали вассалами нового владыки — болгарского хана Кубрата, который использовал хазар как пограничную стражу на Транскавказском торговом пути. Здесь хазарские вожди обогатились и усилились за счет таможенных сборов с торговых караванов, бесконечной чередой шедших с Ближнего Востока в Европу, и после смерти Кубрата, на фоне усабиц, начавшихся между его наследниками, оказались самым сильным и внутренне консолидированным племенем. Подчинив себе аланов, адыгов, часть болгар и другие племена предгорных степей Северного Кавказа, хазары на месте Великой Болгарии создают свое государство — Хазарский каганат.

шого Кавказа. Но хазары не успокоились и в течение всей первой половины IX в. (817—852 гг.) регулярно совершали набеги в Закавказье, поддерживая антиарабские восстания местных племен. В частности, в 912 и 916 гг., как об этом свидетельствует «История Ширвана и ал-Баба», написанная в X в., хазары изгоняли мусульман из гг. Ширвана и Дербента.

Данная ситуация, надо полагать, не просто вызывала недовольство, но раздражала и сердила багдадских правителей. Но в тот момент Халифат, сотрясаемый своими внутренними проблемами, был не в состоянии обрушить всю свою оставшуюся военную мощь на хазар, поэтому появление в Багдаде посла из далекой северной страны (из страны «седьмого климата») с просьбой и предложением о союзе оказалось как никогда кстати. А волжским булгарам такой союз не столько именно с мусульманским, сколько с враждебным хазарам государством был также крайне необходим. Царь Алмуш да и болгарская знать, несомненно, были в курсе арабо-хазарских дел: на Волгу приходили караваны, в т. ч. и из Халифата, а вездесущие купцы-караванщики — предтечи современных СМИ — своими новостями со всего света создавали то самое информационное поле, из которого болгарские правители черпали материал, необходимый для построения их собственной геополитики. Благодаря купцам, людям, как правило, грамотным, болгарская знать знакомилась с учением и идеями ислама, которые на берегах Волги и Камы появились весьма вовремя.

Дело в том, что Волжская Булгария складывалась как государство *полиэтничное* и *полирелигиозное*. Обосновавшись в середине VII в. на Самарской Луке и ее окрестностях, болгарская орда хана Котрага обрела себе новых соседей в лице праславянских племен — носителей именьковской археологической культуры, занимавших обширную территорию от Самарской Луки на юге до устья р. Камы на севере и от р. Свияги на западе до р. Ик на востоке.

Племена именьковской культуры, названной так по могильнику и поселению у с. Именьково в Татарстане, исследованным археологом В. Ф. Генингом в 1956 г., на берегах Средней Волги и Нижней Камы появляются в середине IV в. н. э. вследствие событий эпохи Великого переселения народов. В 1970—1990 гг. памятники именьковской культуры изучались казанским археологом П. Н. Старостиным и самарским археологом Г. И. Матвеевой. Судя по многочисленным находкам земледельческих орудий (серпы, косы, лемехи-наральники, каменные жернова), «именьковцы» были оседлыми земледельцами, причем, в отличие от прикамских финно-пермяков, практиковавших мотыжное земледелие, возделывали землю с помощью сохи с конской упряжкой. Это давало им возможность возделывать целинные участки, расположенные за пределами речных пойм.

Натиск болгар с юга, а затем и поход арабского наместника в Закавказье Марвана ибн Мухаммада («Марвана Глухого») в Хазарию в 737 г., в ходе которого преследовавшие отступающих хазар арабы, как считают известные российские археологи С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов, прошли далеко вверх по Волге, заставили праславян-«именьковцев» покинуть Среднее Поволжье и уйти назад на свою древнюю родину в Среднем Поднепровье. Оставшиеся группы «именьковцев» были включены булгарами в их этнополитическое объединение и составили славянскую часть («ас-сакалиба») будущего Волжско-Булгарского государства.

Другой этнической составляющей раннебулгарского государства были древние угорские племена — носители неволинской и поломской (чепецкой) археологических культур, предки которых пришли на Каму из-за Урала еще в эпоху Великого переселения народов.

Каждое из этих племен имело свой язык, свои верования и свое мировоззрение, отразившиеся в погребальных памятниках на территории ранней Волжской Булгарии, форме и типах женских украшений раннебулгарского времени, формах и орнаментации глиняной посуды. Но все они были объединены военно-политической гегемонией ранних булгар,

Обитали «именьковцы» на неукрепленных поселениях или на городищах (последние, кстати, в большинстве своем расположены по периметру именинковой территории, как бы прикрывая ее извне) в квадратных (4х4 или 6х6 м) полуземлянках, перекрытых 4-скатной крышей, опиравшейся на центральный столб. Обогревались такие жилища открытыми очагами-кострищами, обложенными по периметру камнями.

Своих умерших сородичей они хоронили по обряду кремации. Тело покойного в одежде, с украшениями сжигали где-то на стороне, а потом прах вместе с обгоревшими вещами ссыпали на дно круглой или прямоугольной ямы глубиной до 1 м. Туда же ставили 1—2 глиняных сосуда с жидкой пищей.

Именьковская керамика также разительно отличается от керамики местных прикамских племен: вылепленные вручную, довольно грубовато, плоскодонные горшки крупных размеров, миски, плошки, сковороды. Посуда практически не орнаментировалась.

Об этнической принадлежности именинковых племен долгое время среди исследователей велись ожесточенные споры. В разное время их считали то тюрками, то уграми, то балтами. Однако в середине 80-х годов XX в. Г. И. Матвеева, подвергнув тщательному анализу керамический материал именинковой культуры, типы орудий труда и украшения, погребальный обряд, пришла к выводу о том, что самые ближайшие аналогии им обнаруживаются на памятниках зарубинецкой (праславянской) археологической культуры Верхнего Поднепровья. Вскоре к этой точке зрения присоединилось большинство исследователей, в т. ч. и ведущий знаток славянских древностей академик В. В. Седов.

*Финно-угорские вещи
из могильников ранних
булгар*

уже имевших опыт собственной государственности. Можно сказать, на Средней Волге повторилось то, что имело место в степях Северного Кавказа: булгары, обладавшие большим военным потенциалом и политическим опытом, покорили местные племена и объединили их в рамках одного государства под своей эгидой.

Но это принесло булгарским правителям и новые проблемы: разные языки, культуры, мировоззрения, в конечном итоге — разная ментальность подвластных племен требовали наличия какого-то цементирующего начала — одним военным превосходством здесь было не обойтись. А таким началом во все времена и у всех народов может быть только общая идеология, сиречь — вера. Очевидно, будучи в курсе геополитики багдадских халифов, заинтересованных в распространении ислама, и будучи сами заинтересованными в установлении военно-политического союза с арабами-мусульманами, союза, прежде всего,

антихазарского (тем более что к началу X в. среди хазарской знати начинает утверждаться иудаизм — религия, закрытая для других народов), булгарские правители сознательно пошли на выбор новой веры. Что и было отражено в письме царя Алмуша к халифу ал-Муктадиру. Следовательно, в данном случае политические интересы двух столь территориально далеких друг от друга государств совпадали.

И вот теперь мы подходим к главной цели нашего повествования — к вопросу о том, что же из всего этого вышло и откуда мы все это знаем?

...Весна 1923 года. В небольшой персидский город Мешхед прибывает группа политических эмигрантов из советской Средней Азии, среди которых находился уже тогда известный ученый-востоковед, лидер башкирского национального движения Ахмет-Заки Валиди Тоган (Валидов Ахметзаки Ахметшахович). Путь его лежал в Афганистан, но из-за опасения провокаций со стороны вездесущих чекистов было решено день отъезда и дальнейший маршрут засекретить. Таким образом, А.-З. Валиди на целых пять недель задержался в Мешхеде. Будучи по призванию и духу ученым, Валиди не сидел без дела — он самым тщательным образом изучил главную сокровищницу Мешхеда — библиотеку Равза. Вот как он пишет об этих днях во втором томе своих «Воспоминаний»: *«Большую помощь в этом оказал Сами-бей. Год спустя*

о произведенных здесь важных находках я сделал сообщение в Париже во французском «Азиатском обществе». Самые ценные из моих находок — труд знаменитого арабского географа Ибн аль-Факиха, жившего в IX веке, путевые заметки путешественников X века Ибн Фадлана и Абу-Дулафа, пришитые к книге Ибн аль-Факиха.

Труды этих двух путешественников, приводимые частично в большом труде арабского географа Якута Хамави, отчасти уже были известны европейским ученым. Однако в некоторых других средневековых источниках приводятся из книг этих путешественников сведения, которые отсутствуют в книге Якута Хамави. Поэтому европейские ученые предполагали, что в утраченной книге Ибн Фадлана содержались факты, которые остаются досель неизвестными науке. И вот теперь найденные мною мешхедские рукописи оказались весьма полными списками книг двух путешественников и Ибн аль-Факиха — сочинений, считавшихся безвозвратно утерянными».

Не имея под рукой фотоаппарата, А.-З. Валиди в течение нескольких дней от руки переписал найденную рукопись, а позже сделал о ней доклад в Париже во французском «Азиатском обществе». Так научный мир узнал о существовании полного текста книги («рисала») Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. и о том, каковы были последствия и результаты послания царя волжских булгар Алмуша к халифу ал-Муктадиру.

Ахмет-Заки Валиди Тоган (Валидов Ахметзаки Ахметшахович) (10.12.1890—26.07.1970) — видный ученый-востоковед и политический деятель, идеолог и лидер башкирского национального движения 1918—1920 гг. Обучался в медресе «Касимия» в Казани и Казанском университете. В 1912 г. опубликовал свою первую научную работу «История тюрков и татар». В 1913—1914 гг. совершил две поездки в Среднюю Азию с целью изучения восточных рукописей. В 1916—1925 гг. занимался политической деятельностью. В 1923 г. эмигрировал в Турцию. Преподавал в Стамбульском, Боннском, Гёттингенском университетах. С 1953 г. являлся председателем Института исламских исследований при Стамбульском университете. Научные исследования А.-З. Валиди посвящены истории и культуре иранских, монгольских и тюркских народов. В 1923 г. среди рукописей библиотеки г. Мешхеда обнаружил «Путевые заметки» Ибн Фадлана, которые с комментариями были опубликованы им в 1939 г. в г. Лейпциге (Германия) на немецком языке. Автор более 400 научных работ.

В 1935 г. по решению III Всемирного конгресса востоковедов, собравшегося в Берлине, Академии наук СССР была передана в дар фотокопия полного текста «Мешхедской рукописи», которая весной 1939 г. впервые была опубликована на русском языке под названием «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией академика И. Ю. Крачковского».

Собственно говоря, перевод сочинения Ахмеда ибн-Фадлана и комментариев к нему были выполнены учеником академика И. Ю. Крачковского Андреем Петровичем Ковалевским. Но именно в это время А. П. Ковалевский попал под каток сталинских репрессий, и его имя на многие годы было вычеркнуто из науки. И только в 1956 г., уже после смерти Сталина, текст «Мешхедской рукописи» был опубликован вторично под названием «Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг.» с указанием автора перевода и комментариев к тексту — доктора исторических наук, профессора А. П. Ковалевского. Именно эта книга в дальнейшем и будет для нас своеобразной «машиной времени», с помощью которой мы перенесемся в X в. и вместе с Ахмедом

واذا هم يملكون التي فخر آخلاق العرب لا يأتى باب من الغزاة من ملك عشه الغداية
وما به الفراس من الفهم والكرم ما ترى من الغنم ما بين الفحل تحت باطلانها يطلب
المشيقة فاذا هم يجمع تحت الفحل فتمت غايته من ذلك ما كان الصيف والكل من المشقة
مزلت فتنز على الفحل ما ورا حلالهم او غنما فتنز على فحل مرجع وهو اكبر من ربابها
داخلها واشد جوية ولقد رايته سفرا فتنز في غفر من كل نجا وذهبته فحل
كثير من الناس وغرقت عن جمال الدواب ولم يفر من الفحل ثم ربابا وما عجزنا
فهرجنا ثم بعد فحلنا ثم باعهم ثم سمور ثم كالب ثم نهر سوح ثم نهر كهلوا فوفا
في كل قوم من الامم ثم قال لي اياك يا شاعر فخر نام اشدر الحذر ذلك ما هم لم يملوا
واقدروهم واشدهم انما على الفحل على الرجل في نور هامة وباحها ويترك
وهم يملقون لحامه وياكلون الفحل تسع الايام منهم دور فحلقة فخر في الفحل باسنان
ولقد كان من هامة واحد تداسل وكان عرسا فراسة ومذلة في قومه فقصها بظفره
ثم لحسنه قال الاربى حمد كل واحد منهم تحت خبطة على قدر الحمل ويصلها
عليه فاذا اراد سفره او القى وراقبها ومجد لها قال باب اخذت كذا وكذا فقلت
للمرحوم بل بعضهم لم يمتهم في هذا ولم يملد به قال لا يمتهم في خبطة من فحل وليس
اعرف لنسب خلفائهم ومنهم من يمتهم ان انا فاعشروا بالفتاوب والبلصيف رب
وللمطرب والرحوب وللحروب والناروب وللدواب رب وللارب والليل
رب وللنهار رب وللربوب وللارض رب والرب الذي رب السما اكبر الهامة
يجمع مع هؤلاء بافانق وبصق كل واحد منهم ما يملد شره تعالى الله عما يقول الظالمين
علوا السيل واذا باطلانية منهم تبعد الحيات وطائفة تبعد النمل وطائفة تبعد

طخال ليلهم وليلهم وكان يجمع اعلى شل قال ثم ان يوكارسل ملك العرب الى صفات
المشقة شلتي ولم يمتهم ان اطلعتهم الى المشقة ثم قال طخال هذا شلتي وراياه
ولما مضى ولا يمتهم ان يارسل سلطان من كالحان و ابا واما انا الى السلطان فوالله
الحيلة ووجه هو كالحان الى الفحل لم يمتهم ان يقطع هو الارسل فتنز فتنز
واخذ ما معهم وقال اخر منهم كالب فخذ ما معهم ويتركهم علة يرجعون فتنز
جاوا وقال اخر لا ولكن لا عند ملك الفحل اسرا فتنز بهو كالب دى هم وليك فحلوا
يتراجعون بينهم هذه الاشياء سبعة ايام وفخر في فحل الموت حتى جمع داهم على ان ظفوا
سبيلنا ونمضي ففحلنا على طخال فتنزنا موى وشستن ياتى فوالله اعلم بغير
فحل ذلك على نال ودنعا اليهم ففحلنا جاور سرا فاقصا من خبرنا فتنزنا
ورحلنا حتى ربابا اليهم فتنزنا فافرح الناس فرهم وهو من جلود المال فتنزها
واخذوا بالامان المال التركي لا فمدون ففحلها في جونا حتى فتنزنا حشوها
بالتياب والمتاع فاذا استلجس في كل سفرة جماعة من سفرة وسنة وارسوا كل
واكثر ويلخذون بايديهم خبث الفحل ففحلنا كالحان فتنزنا فتنزنا فتنزنا فتنزنا
ففحلها وهي تدور حتى تبو فاما الدواب والبالا فانه يصاح بها فتنزنا سفرة
لا يان فتنزنا جماعة من الفحلنا وبعهم السلاح قبل ان يبعهم شلتي من الفحلنا لكونوا
طيلة للناس خلفه بالشارف وارسوا الناس وبعهم ويعرجون فتنزنا فتنزنا فتنزنا
العنه التي ذكرنا ثم عبرنا بعد ذلك فحلنا فحلنا فحلنا فحلنا فحلنا فحلنا فحلنا فحلنا
ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله ثم اذله
الى الحيات واذا هم فتنزنا فتنزنا فتنزنا فتنزنا فتنزنا فتنزنا فتنزنا فتنزنا

Фотокопия листа мешхедской рукописи

ибн-Фадланом совершившим путешествие из славного города Багдада на берега Волги и взглянем на тогдашний мир не только глазами нашего автора, но и глазами современной исторической и археологической науки.

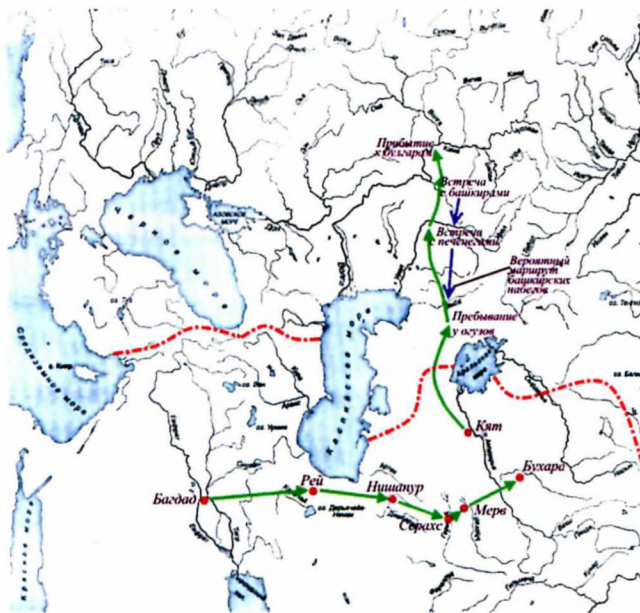
Итак, трудно сказать, кто принимал окончательное решение по поводу послания царя Алмуша — сам ли халиф ал-Муктадир или его более взрослые и искушенные в большой политике визири, но ответ был таков: отправить к булгарам ответное посольство во главе с Сусаном ар-Расси, Текином Тюрком, который, видимо, был купцом, торговавшим с булгарами, а следовательно, хорошо знавшим их страну, и Барысом «Славянином». А. П. Ковалевский допускал, что это, может быть, действительно, был славянин с христианским именем Борис, хотя с таким же успехом это мог быть и волжский болгарин по имени Барыс и по прозвищу «Сакалиб» (славянин), то есть житель далекого севера.

Секретарем посольства был назначен Ахмед ибн-Фадлан, в чью обязанность входило прочтение письма халифа к царю булгар, вручение посылаемых подарков и надзор за *факихами* и *муаллимами*, также включенными в состав посольства.

В четверг, 21 июня 921 г. громадный посольский караван из нескольких сотен человек, лошадей и верблюдов, груженных подарками, вышел из Города Мира, как называли Багдад сами арабы. Маршрут его, на первый взгляд, может показаться странным: города Нахраван, Даскара, Хулван, Савэ, Рей, Дамган, Сарахс, Мерв, Бейкенд, Бухара. То есть все время на восток, в обход Каспийского моря. Но это только на первый взгляд. Мы же с вами помним, что более короткий путь из Багдада на север проходил через Кавказское побережье Каспийского моря (г. Дер-

Ковалевский Андрей Петрович (01.01.1895—29.10.1969), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Украины — известный советский историк-востоковед. Исследователь и переводчик на русский язык записок Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Подготовил книгу к печати, но в 1938 г. был арестован по ложному доносу и осужден на 5 лет заключения. Поэтому работа была издана в 1939 г. без указания имени переводчика под редакцией учителя А. П. Ковалевского академика И. Ю. Крачковского. Освободившись в 1943 г., А. П. Ковалевский некоторое время преподавал иностранные языки в Саранском пединституте, а после окончания Великой Отечественной войны переходит на работу в Харьковский университет, где читает курс истории стран Азии и Африки.

Карта маршрута багдадского посольства

бент) и земли хазар — одинаково враждебных как арабам, так и волжским булгарам. Поэтому путь через Среднюю Азию был хотя и длиннее, но безопаснее, поскольку правители среднеазиатских государств — Бухары и Хорезма — фактически были независимы от багдадского халифа, но формально чтили его как верховного правителя всех правоверных.

При дворе юного бухарского эмира Насра ибн-Ахмеда багдадские послы отдыхали почти целый месяц. Собственно, этот отдых отчасти был вынужденным, поскольку, как пишет Ахмед ибн-Фадлан, именно в Бухаре они должны были получить от некоего Ахмеда ибн-Мусы Хорезмийца, доверенного лица Ибн-ал-Фурата, — одного из придворных багдадского халифа — 4 000 динаров, обещанных царю Алмушу для постройки крепости. Но придворные интриги помешали ибн-Мусе выполнить это поручение, и денег послы так и не дождались. Как мы увидим впоследствии, это обстоятельство наложило серьезный отпечаток на итоги всего предприятия.

Приближалась зима. Как это ни странным может показаться современному читателю, привыкшему к теплым и малоснежным зимам, но в 921 г. р. Джейхун (Амударья) грозила замерзнуть, и послам пришлось торопиться с погрузкой на корабли, чтобы до ледостава успеть приплыть

в Хорезм. Хорезмшах Мухаммед ибн-Ирак хотя и принял послов приветливо, но из его разговоров, воспроизведенных Ибн Фадланом, совершенно очевидно, что он был отнюдь не в восторге от цели и задач багдадского посольства, и под разными предлогами задержал послов у себя на долгих четыре месяца. Зимой 921 — 922 гг. послы провели в Хорезме, и только в начале марта 922 г. посольский караван двинулся через плато Устьюрт — пустынное плоскогорье между Каспийским и Аральским морями — далее на север. Через две недели пути, где-то в середине марта 922 г., спустившись по северному склону плато Устьюрт — Чинку, багдадские послы выехали на равнину «к кочевому племени тюрок, известных под названием гуззов».

Итак, «гуззы», они же — «огузы» (так их называют в древнетюркских письменных памятниках), они же — «узы» (у авторов византийских хроник), они же — «торки» (в русских летописях) — кочевой тюркоязычный народ, пришедший в степи Восточной Европы из глубин Центральной Азии. Самые ранние и точные упоминания об огузах, проливающие свет на начальные этапы их этнической и этнополитической истории, датируются первой половиной VIII в. н. э. Это надписи на каменных поминальных стелах в честь тюркских каганов Кюль-Тегина,

*Поминальная стела в честь тюркских каганов Кюль-Тегина
(фото С. Г. Кляшторного)*

Могильяна и «мудрого советника» Тоньюкука, найденных в степях Монголии. Надписи, выполненные *руническим письмом*, прославляют жизнь «великих мужей», перечисляют их походы и покоренных ими врагов. Среди последних упоминаются и племена токуз-огузов («девятистрельных огузов»), которые в те времена кочевали на севере современной Монголии, по берегам рек Орхон и Селенга.

Однако уже в начале IX в., как об этом пишут арабские авторы Ибн-Хордадбех, Аль-Балазури, Ат-Табари, гузы уже совершают набеги на Усрушану (районы Ташкента, Ферганы и Самарканда). А затем последовала серия многолетних войн между огузами, печенегами («баджинаками»), карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения другого арабского автора ал-Масуди, писавшего в середине X в.

Войны между кочевыми племенами всегда велись из-за пастбищ и водопоев, поэтому они были хотя и кровопролитными, но быстротечными, поскольку главным для противоборствующих сторон было как можно быстрее изгнать противника с данной территории. Заключив союз с хазарами, огузы взяли своих противников — печенегов «в клещи» и вынудили их уйти дальше на запад, за Волгу и Дон. Правда, какая-то часть печенегов осталась в степях Южного Приуралья и с ними мы еще встретимся. Так территории между Волгой и Уралом превратились в «огузскую степь» — Дешт-и-Огуз. Произошло это лет за 25–30 до багдадского посольства, поэтому огузы еще сохраняли свою воинственность и некоторое пренебрежение к чужеземцам.

«Огузский иль» (так называли созданное ими государство сами огузы) в X в. — начале XI в. представлял собой типичное кочевническое государство во главе с правителем, носившим титул «ябгу» или «джабгу». Местом его пребывания была кочевая ставка, где он проводил большую часть времени, поэтому багдадские послы встретиться с огузским «ябгу» не смогли, но слышали о нем. Зато они были приняты местным правителем Йыналом по прозвищу «Маленький» (или «Младший»), носившим титул «кюзеркин» (или «кударкин») и являвшимся наместником огузского ябгу той местности, на которой оказались багдадские послы. Вот его миновать они никак не могли и послам пришлось разыскать ставку «кюзеркина» Йынала (как пишет Ибн Фадлан, «прибыть в то место, в котором он находился») и испросить у него разрешения двигаться дальше по огузской территории. «Кюзеркин» Йынал прямо дал понять послам, что за все в этой жизни нужно платить. Послы намек поняли и подарили ему хорезмийский кафтан (не очень, правда, дорогой, стоимостью десять дирхемов всего), кусок материи, несколько лепешек хлеба, пригоршню изюма и сто орехов. Сами по себе набор и ценность поднесенных подарков говорят о том, что огузская знать (а титул и должность

«кюзеркина», без сомнения, давался людям знатным) по образу жизни и материальному состоянию мало чем отличалась от своих рядовых соплеменников. Такое положение характерно для общества, находящегося на стадии военной демократии, то есть, когда родовые отношения еще сохраняются, но власть в обществе постепенно переходит в руки отдельных людей, как правило, военных предводителей. Через эту стадию социального развития прошли практически все евразийские народы. И, кстати сказать, примерно в это же самое время киевский князь Игорь, не рискнувший пойти против желания своей дружины еще раз поживиться за счет древлян, как раз и пал жертвой этих военно-демократических отношений.

Багдадские же послы столкнулись с ними еще раз, когда на большой дороге их караван был остановлен неким оборванцем, который, несмотря на уверения послов в том, что они уже имеют разрешение «кюзеркина» на проезд по огузским землям, только смеялся и требовал свою мзду. Удовольствовался он получением нескольких лепешек хлеба (как и все кочевники, огузы собственного хлеба не выращивали).

В третий раз послам пришлось раскошелиться на подарки уже у самых границ огузских кочевий, когда они остановились погостить еще у одного знатного огуза — Этрека сына Катагана, которого Ибн Фадлан называет «начальником их (огузов) войска». Этрек в соответствии со своим высоким статусом (как выясняется, его дочь или сестра была отдана замуж за болгарского царя Алмуша) устроил, как сейчас мы бы сказали, «большой прием» в честь послов багдадского халифа. Он поставил для них специальные юрты, созвал гостей и приказал зарезать множество овец для угощения. Послы в ответ одарили Этрека и его жену одеждой, восточными сладостями и пряностями. Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. Но... «В один из дней», как пишет Ибн Фадлан, Этрек созывает совет из знатных огузов, включая и «кюзеркина» Йынала, на котором вновь обсуждается дальнейшая судьба багдадского посольства. Не исключено, что поводом для этого явились слишком назойливые предложения арабов принять ислам, к которому огузы особой приверженности пока не проявляли. Йынал, например, попробовал было стать мусульманином, но столкнувшись с недовольством сородичей, вновь вернулся к традиционному язычеству. Да и Этрек, получивший письмо с аналогичным предложением от багдадского вельможи Назира ал-Харами, дал ответ весьма уклончивый (мы бы сказали «обещал подумать»).

Среди собравшихся был некий Тархан, судя по впечатлению Ибн Фадлана, человек малопривлекательной наружности («и был он хромой, слепой, сухорукий»). Но вместе с тем «самый знатный из них и самый выдающийся из них». Вообще-то в тюркской социальной номенклатуре

«тархан» — военно-административное звание, которое еще в XVIII в. российские власти жаловали старейшинам башкирских родов. Сдается, что в данном случае наш автор воспринял его, как личное имя. Судя по всему, этот самый «тархан» был ярым приверженцем «лучших» традиций степной неуправляемой вольницы, поскольку предложил, не мудрствуя лукаво, перебить послов и завладеть их караваном. Другие участники совета были хотя и не столь кровожадными, но также дружеских чувств к арабам не питали. Так, от одного из них поступило предложение — просто начисто ограбить послов и отпустить их восвояси: «...возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились туда, откуда прибыли», от другого — обменять багдадских послов на огузов, находящихся в плену у хазар.

Однако после недельных препирательств огузские вожди все-таки решили отпустить послов с миром, за что те отблагодарили их щедрыми подарками. Особенно они старались ублажить сурового «тархана»: ему был преподнесен мервский кафтан и два куска материи, тогда как его товарищам — только по куртке.

Естественно, у читателя может возникнуть вопрос, а почему кочевники-огузы могли позволить себе так непочтительно обращаться с посланниками верховного правителя всех правоверных? А все очень просто — огузы были язычники. Они поклонялись силам природы, духам умерших предков, верили в «загробную жизнь» как продолжение жизни земной, приносили жертвы верховному небесному владыке Тенгри и его супруге — богине земли Умай.

Наиболее отчетливо язычество огузов проявляется в их погребальном обряде, хорошо известном археологам по многочисленным захоронениям, выявленным и исследованным в степях Заволжья и Южного Приуралья, а до того описанном Ибн Фадланом, который, вероятно, наблюдал его лично. В записках Ибн Фадлана это выглядело так: «А если умрет человек из их числа, то для него выкопают большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и сделают над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай».

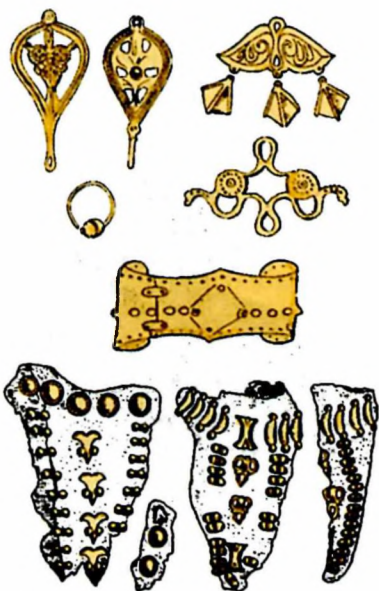
В начале 80-х годов прошлого столетия волгоградский археолог В. А. Кригер в степях Заволжья и Северного Прикаспия выделил серию кочевнических захоронений конца IX — начала XI вв., по своим призна-

кам соответствующих описанию Ибн Фадлана. Это — небольшие земляные курганы 6—8 м в диаметре, каждый из которых содержит по одному захоронению. Захоронения совершались в простой прямоугольной или овальной яме глубиной примерно по грудь человеку среднего роста. Умершего укладывали на дно могилы в позе на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на заход солнца. Вместе с умершим в могилу укладывали его вещи. С мужчиной — лук и стрелы, иногда саблю, обязательно нож и железное кресало. Судя по находкам в погребениях, многие мужчины-огузы носили пояса, украшенные многочисленными серебряными или бронзовыми фигурными накладками (т. н. «наборные пояса»). У большинства средневековых народов Евразии как кочевых, так и оседлых наборный пояс являлся символом принадлежности к воинскому сословию, своеобразным знаком воинского отличия. Его позволяли носить только тем мужчинам, которые уже проявили себя в боях с врагами как храбрые и умелые воины, способные побеждать в схватке. Такой пояс нельзя было передавать по наследству, его можно было только заслужить. Поэтому после смерти воина пояс надевали на него, чтобы «на том свете» он указывал на общественный статус и воинскую доблесть его владельца.

В погребениях огузских женщин археологи находят украшения: бронзовые подвески в виде стилизованных фигурок птиц, подвески-копоушки, браслеты и перстни. Подвески, найденные в огузских погребениях, являлись не только (а может быть и не столько) украшениями, а выполняли роль амулетов-оберегов. Прежде всего, это касается подвесок в виде птичьих фигур с распростертыми крыльями и привесками в виде птичьих яиц или гусиных лапок. Они украшены сложным растительным орнаментом, очевидно символизирующим единство природы и жизненную силу, которая с их помощью должна была передаваться женщине, носящей эти украшения. Дополнительные привески-яички или гусиные лапки при движении сталкивались между собой и издавали мелодичный звон, отпугивающий «нечистых духов». Аналогичным образом ажурные подвески в виде сдвоенных сильно стилизованных птичьих головок (настолько стилизованных, что иногда они напоминают

Тяжеловооруженный огузский воин (реконструкция М. В. Горелико)

Изображения вещей из огузских погребений

не столько птиц, сколько змей), попарно нашитые на одежду на уровне груди, также выполняли магическую функцию защиты и охраны женского тела от внешнего воздействия.

Но особенно показательны в этом отношении бронзовые подвески-копорушки. Собственно говоря, предмет сугубо утилитарный, предназначенный для чистки ушной раковины, но его ручка-щиток, как правило, выполнялся в виде ажурного узора, изображающего древо жизни или магический цветок лотоса или лилии. Предмет, который не просто соприкасался с человеческой головой, но и как бы проникал внутрь нее, обязательно должен был обладать животворящей магической силой, которую ему придавал магический узор.

Довольно часто в женских захоронениях встречаются бронзовые или сере-

бряные перстни с крупными полудрагоценными камнями — агатом или лазуритом, браслеты и остатки кожаных сапог, мыски которых сплошь были обшиты фигурными бляшками-нашивками. Металлические украшения на одежде, перстни на пальцах, обувь, расшитая бляшками — все это были знаки высокого социального статуса их владельцев и одновременно являлись отличительной особенностью этнографической культуры огузских племен.

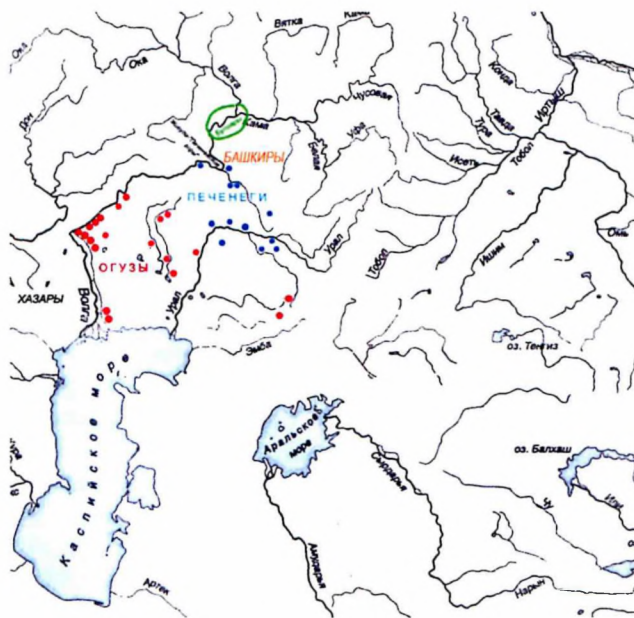
Могилу перекрывали настилом из досок, на который укладывали шкуру взнузданного и оседланного коня. Огузская узда представляла собой ременное оголовье, сплошь покрытое фигурными бляшками, среди которых центральное место занимала крупная налобная бляха-«решма» листовидной формы. Лицевая поверхность таких блях покрывалась замысловатым узором, состоящим из растительных мотивов или перекрученных жгутов (т. н. «узлы бесконечности» — символы бессмертия). Иногда на решмах изображались человеческие лики. В богатых огузских погребениях встречается по несколько блях-решм, нашитых на нагрудный и подхвостный ремни.

Седла у огузов были деревянными с высокой вертикальной передней и низкой наклонной задней луками. Высокую переднюю луку седла иногда обивали фигурными и круглыми бляшками.

Ибн Фадлан ничего не сообщает о границах территории расселения огузов. Более подробные сведения об этом содержатся в сочинении другого современного ему арабского автора — ал-Истахри, где «пределы страны огузов» помещены к западу от Мавераннахра (междуречье Сырдарьи и Амударьи), «между хазарами и кимаками, страной карлуков и болгар и границами мусульманских стран от Джурджана до Фараба и Исбиджаба». На современной карте это получается довольно обширная территория от верховьев Сырдарьи на востоке до Северного Прикаспия и Нижней Волги на западе. В этих же пределах очерчивает границы расселения огузов и Ибн-Хаукал (70-е годы X в.).

Более конкретно границы огузских кочевий в степях Волго-Уральского междуречья обозначают их курганы, большинство из которых расположены по левобережью Нижней Волги, на территории современных Астраханской, Волгоградской областей. Отдельные погребения известны на территории Уральской, Актюбинской и Оренбургской областей.

Итак, более-менее благополучно избавившись от огузского «гостеприимства», послы багдадского халифа двинулись далее на север. Дело было ранней весной и огузы, по-видимому, еще не покинули свои зимовья в низовьях Сырдарьи и по берегам Аральского моря. Во всяком случае, на расстоянии 700 км (а это, как минимум, месяц пути) Ибн Фад-

Карта огузских и печенежских памятников Урало-Поволжья

лан не отмечает ни одной встречи с кем-либо из кочевников, но подробно перечисляет реки, через которые им приходилось переправляться — Йаганды (Чаган), Джам (Эмба), Джахыш (Сагыз), Узил (Уил), Анхаты (Большая Анкаты), Вабна (Малая Анкаты). Это — типичные степные реки, которые летом пересыхают, превращаясь в цепь стоячих и «цветущих» озер-мочажин. Но поскольку весной они превращаются в полноводные потоки, Ибн Фадлан отмечает, что «это все большие реки», форсировать которые приходилось с помощью специальных приспособлений — надувных плотов, сделанных из кожаных дорожных мешков.

С одной стороны, все это была территория, контролируемая огузами. Но с другой, уже во время переправы через Йаганды-Чаган проводники предупредили послов о необходимости выслать вперед авангард из хорошо вооруженных воинов «из боязни ал-башгард (башкир), что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться». Вот так мы впервые узнаем о том, что где-то в степях Южного Приуралья кочуют башкиры, которые могут позволить себе разбойничать на территории огузских кочевий.

Но в данном случае все обошлось, и через месяц пути посольство прибыло к берегам озера Чолкар («воды, похожей на настоящее море»), где увидели кочевье «ал-баджанаков» (печенегов).

Встреча эта была случайной, никакого отношения ни к целям, ни к задачам багдадского посольства не имеющей, поэтому впечатления на Ибн Фадлана она не произвела (тем более, что у печенегов караван остановился всего лишь на один день). Единственно, что бросилось ему в глаза, это то, что печенеги — «темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность огузам». Наверное, с теми печенегами, которых встретили послы на берегу озера Чолкар, так оно и было. Но если бы Ибн Фадлан знал об этом народе побольше, думается, что в своих записках он уделил бы им больше внимания.

Итак, «ал-баджанаки»-печенеги — еще один тюркский кочевой народ, обитавший в Волго-Уральских степях в начале X в. Эти сведения Ибн Фадлана подкрепляются аналогичными сообщениями других средневековых авторов, современников нашего путешественника: византийского императора Константина Багрянородного и арабского писателя, историка и географа ал-Масуди. Они также успешно дополняются данными археологических исследований, в результате которых в северной части Волго-Уральских степей выявлены и изучены курганы, по всем своим признакам идентичные собственно печенежским курганам, в большом количестве известным в степях Украины и Северного Причерноморья. Признаки эти — захоронения под небольшими земляными насыпями, в простых прямоугольных могилах, головой на запад или юго-запад, на дне могилы рядом с человеком (как правило — слева)

уложены в анатомическом порядке череп и кости ног коня (шкура). Вместе с покойным в могилу укладывали его вещи: пояс, украшенный серебряными или бронзовыми накладками, лук и стрелы, иногда в изголовье ставили глиняный горшок с пищей.

В Волго-Уральском регионе границы распространения печенежских курганов включают в себя Волгоградскую, Саратовскую, Уральскую, Оренбургскую и Самарскую области. Северные границы печенежских кочевий в Заволжье и Приуралье (эту территорию мы условно называем «Заволжской Печенегией») совпадали с южной кромкой лесостепной ландшафтной зоны, а западная доходила до Самарской Луки (не случайно в средневековых географических картах Жигули называются «Печенежскими горами»).

В VIII в. печенеги так же, как и огузы обитали на востоке Великого пояса евразийских степей, у западных границ Тюркского каганата, в бассейне верхнего и среднего течения Сырдарьи. Но уже в первой четверти IX в. они были изгнаны оттуда огузами и их союзниками — кочевыми племенами карлуков и кимак — вначале в степи «вокруг моря Джурджан» (Аральского), а затем и далее на запад, за Итиль-Волгу. Так, арабский автор Ибн-Русте, писавший не позднее 912 г., сообщает о «земле печенегов», расположенной в 10 днях пути от «земли хазар». То, что в данном случае речь идет уже о восточноевропейских печенегах, следует из краткого описания пути от печенегов к хазарам: «... Торного пути или больших дорог нет, впрочем, между упомянутыми землями, а пробираются из страны Печенежской до самой земли Хазарской, как сказано, лесистыми и болотистыми местами». Как известно, ни в Заволжье, ни в Южном Приуралье ни лесов, ни болот мы не найдем. Кроме того, сведения Ибн-Русте дополняются рассказом русских летописей о походе печенегов, согласно договору с Византией, на Дунай против болгарского царя Симеона в 915 г.: «В лето 6423. Приидоша Печенези первое на Русскую землю и створише мир с Игорем, идоша к Дунаю. В си же времена приде Семеон, пленяя Фракию. Греци же послаша по Печенегы. Печенегом же пришедшим и хотящим на Семеона, расваришася Грецкые воеводы. Видевше Печенези, яко сами на ся рать имуть, отидоша во свояси...». То есть союз

Печенежский воин (реконструкция М. В. Горелико)

*Реконструкция конской
узды огузов
(по материалам
погребений)*

с Византией не сложился, и печенеги, дойдя до Дуная, повернули обратно.

Итак, в первой четверти X в. средневековые авторы одновременно фиксируют печенегов к востоку и западу от Волги и отчасти даже объясняют причину такого разделения печенежского союза племен. Особенно интересной в этом отношении является книга византийского императора Константина Багрянородного (ум. в 959 г.) «Об управлении империей», представляющая собой наиболее информативный источник по истории европейских печенегов первой половины X в. Из нее, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточноевропейской политике X в., что выражалось, например, в необходимости для византийцев поддерживать союзнические отношения с печенегами,

чтобы с их помощью пресекать попытки руссов, болгар и «турков» нападать на Византию (под «турками» в данном случае подразумеваются древние мадьяры-венгры, в конце IX в. заселившие Паннонию в бассейне Дуная и Тисы).

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях Восточной Европы: от низовьев Дуная до хазарской крепости Саркел, по берегам рек Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днестр), Врут (Прут) и Серет. Византийский император указывает первоначальную территорию обитания печенегов — на Волге и Урале (реки Атил и Гейх) и называет причины их ухода на запад: «Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле, а также на реке Гейхе, имея соседями хазаров и так называемых Узов (огузов). Пятьдесят лет тому назад Узы, войдя в соглашение с Хазарами и вступив в войну с Печенегами, одержали верх, изгнали их из их собственной страны, и ее заняли так называемые Узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут Турки, они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране и владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет».

В X в. европейские печенеги представляли собой мощную военно-политическую силу, активно влиявшую на ход тогдашней восточноевропейской и балкано-средиземноморской политики. Причем, силу, хорошо организованную. Константин Багрянородный пишет о том, что печенежские племена имели четкую родо-племенную структуру, делились на

«восемь фем» или восемь племен, каждое из которых управлялось своим вождем-ханом и имело свою территорию кочевания. В первые десятилетия своей восточноевропейской истории печенеги вместе с русскими дружинами князя Святослава нападали на северные, придунайские, провинции Византии и Болгарского царства и до 972 г. являлись прочным звеном в созданной Святославом антивизантийской коалиции. Но уже в начале 970 г. политическая ситуация в степях Восточной Европы начала складываться не в пользу русско-печенежского союза. Причин тому было несколько. Прежде всего, старались византийские дипломаты, выполнявшие завет своего императора — создать из печенегов противовес наступательной политике князя Святослава в Причерноморье. По своему им помогали хазары, заинтересованные в том, чтобы столкнуть между собой печенегов и огузов, которые в 965 г. выступили союзниками князя Святослава во время его знаменитого похода на Хазарию. Наконец, между самими печенежскими ордами-«фемами» усиливается внутренняя вражда. И действительно, когда в 968 г. князь Святослав вместе с частью печенежских орд «геройствовал» в Дунайской Болгарии, другая печенежская орда напала на Киев. А в 972 г., как известно, печенежский хан Куря подкараулил Святослава на днепровских порогах и убил его.

Византийский император Константин Багрянородный сообщает и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: «... Должно знать, что в то время, когда Печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с так называемыми Узами и доселе остаются у них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих: верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечий; этим они показывают, что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников».

Сведения о двух группах печенегов — «тюркских» и «хазарских» — содержатся в анонимном сочинении «Худуд ал-алам» («Границы мира»), написанном в 982—983 гг. на основе более ранних сочинений ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн-Хордадбега, ал-Джайхани и Ибн-Хаукаля. Причем, если исходить из координат расселения печенегов, приведенных в указанном сочи-

Печенежские украшения

нении, то получается, что «хазарские печенеги» — это племена «Заволжской Печенегии», а «тюркские печенеги» — описанные Константином Багрянородным печенежские племена степей Восточной Европы.

Сам факт пребывания печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, зафиксированный в сочинениях средневековых арабских авторов X в., давно уже не вызывает сомнения у исследователей. Еще первые российские историки — В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, — опираясь на сочинение византийского императора, вообще считали степи Заволжья и Южного Приуралья древней печенежской родиной. И хотя исследователи XX в., опиравшиеся на более широкий круг средневековых письменных источников, эту идею не поддержали, но и в их трудах степи Волго-Уральского междуречья фигурируют, как часть печенежской ойкумены. Одним из первых на эту тему вполне определенно высказался турецкий историк А. Н. Курат, который, опираясь на сочинения Константина Багрянородного, Гардизи и «Худуд ал-алам», очерчивал границы печенежских кочевий в конце IX — начале X вв. «от города Сарай на Идиле, до реки Самары, включая среднее течение Яика и долины таких рек, как Сакмар и Илек. А в засушливые годы местами летовок становились подножия Уральских гор». Подобным же образом очерчивали карту расселения печенегов в своих трудах крупнейшие отечественные исследователи средневековых кочевнических древностей — С. А. Плетнева и Г. А. Федоров-Давыдов.

Именно с этими печенегами, обитателями «Заволжской Печенегии» и вассалами огузского йабгу и встретились багдадские послы на берегу о. Чолкар.

Двигаясь дальше, багдадское посольство дошло до р. Джайх (Яик, Урал), «а это — самая большая река, какую мы только видели, самая ог-

Плетнева Светлана Александровна (01.04.1926—20.11.2008) — крупнейший советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор, крупнейший специалист по археологии и истории евразийских кочевников эпохи раннего и развитого средневековья, автор более 200 научных публикаций по этой теме, в основном о хазарах, печенегах и половцах. Среди них такие, как «Печенеги, торки и половцы в Южнорусских степях» (1958), «Половецкие каменные изваяния» (1974), «Хазары» (1986), «Кочевники средневековья» (1982), «Половцы» (1990). Многие годы возглавляла отдел славяно-русской археологии, а затем — группу средневековой археологии Института

археологии АН СССР (Института археологии РАН). Лауреат Государственной премии СССР 1986 г.

ромная и с самым сильным течением». И действительно, р. Урал и сейчас отличается стремительным течением, а тогда, весной 922 г., она была еще и полноводной, поэтому переправа через нее для посольского каравана закончилась трагически. Ибн Фадлан пишет о том, что во время переправы утонуло много людей из числа караванщиков, лошадей и верблюдов.

И снова перед глазами багдадских послов и их слуг потянулись бескрайние и безлюдные заволжские степи. «Мы ехали много дней, — пишет Ибн Фадлан, — и переправились через реку Джаха (Чеган, правый приток р. Урал), после нее через реку Ирхиз (Большой Иргиз, левый приток Волги), потом через Бачаг (р. Моча или Чапаевка в Самарской области), потом через Самур (Самара), потом через Кинал (р. Кинель), потом через реку Сух (р. Сок на севере Самарской области, левый приток Волги), потом через реку Кюнджюлю (р. Кундурча, впадающая в р. Сок в 30 км севернее г. Самары) и попали в страну народа из числа тюрков, называемых ал-башгард».

Итак, «ал-башгард», или башкиры — третий тюркский народ, встреченный послами багдадского халифа на пути в Волжскую Булгарию. Не будем забывать о том, что Ибн Фадлан не был ни ученым-этнографом, собирающим сведения о неведомых племенах и народах, ни любопытствующим туристом, записывающим для памяти разные увиденные диковинки, да и багдадское посольство не было научной экспедицией и преследовало цели вполне конкретные — политические. Контакты с башкирами (так же, как, впрочем, и с огузами, и с печенегами) этими целями не предусматривались. Поэтому можно понять то предубеждение, с которым Ибн Фадлан описывает встреченных им башкир, тем более что арабских послов уже предупреждали о возможном нападении башкир на их караван. И, конечно же, вполне понятно, почему, вступив на землю башкир, арабские послы, по словам Ибн Фадлана, «остерега-

Федоров-Давыдов Герман Алексеевич (17.07.1931–23.04.2000) — крупнейший советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ, ведущий специалист в области археологии и истории средневековых кочевников Восточной Европы и Золотой Орды. Основоположник применения методов статистического анализа в археологических исследованиях. Автор более 260 научных трудов, в основном посвященных истории и культуре средневековых кочевников и Золотой Орды. Среди них «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966), «Общественный строй Золотой Орды» (1973), «Искусство кочевников и Золотой Орды» (1974).

лись их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее с собой, а его самого оставляет».

Наверное, с точки зрения Ибн Фадлана — истинно правоверного мусульманина — воинственность башкир объяснялась тем, что они были язычниками. Поэтому он довольно подробно перечисляет богов, которым поклонялись башкиры: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господ: «У зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ». Другими словами, подобно большинству евразийских народов эпохи раннего средневековья, в частности — славянам, башкиры обожествляли силы природы, над которыми стоял верховный небесный бог (может быть, Тенгри?). Правда, Ибн Фадлан, конечно же, не мог смириться с тем, что у какого-то другого народа есть какой-то другой верховный бог, кроме Аллаха. Поэтому свой перечень башкирских богов он завершает довольно строгой ремаркой: «Наш господь (Аллах) превыше того, что говорят нечестивые, возвышенным величием».

Еще одна отмеченная Ибн Фадланом черта мировоззрения древних башкир — *тотемизм*: «Мы видели, как одна группа из них поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбам, еще одна группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они когда-то вели войну с какими-то людьми из числа своих врагов, причем они [враги] обратили их в бегство, и что журавли закричали позади них [врагов] так, что они испугались и сами обратились в бегство, после того, как обратили в бегство этих [ал-башгардов]. Поэтому они [эти ал-башгарды] стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти журавли — наш господь, так как он обратил в бегство наших врагов». За это они им и поклоняются».

И еще одна деталь мировоззрения башкир привлекла внимание Ибн Фадлана — обычай ношения ими деревянного амулета в виде *фаллоса*. Причем, это был амулет-оберег, которому башкиры вверяли свою жизнь и от которого ждали помощи в случае житейских проблем: «Каждый из них вырубает палочку величиной с фалл и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: «О господи, сделай для меня то-то и то-то». Я сказал переводчику: «Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому действию и почему он сделал это своим господом?» Он, спрошенный, сказал: «Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя, кроме этого».

Никакие другие сведения о башкирах, — ни территория их расселения, ни общественное устройство, ни образ их жизни — очевидно, Ибн Фадлана не интересовали, поэтому после описания их верований он сразу же переходит к описанию дальнейшего маршрута в страну булгар: «И мы уехали из страны этих людей и переправились через реку Джармасан (Большой Черемшан, левый приток Волги), потом через реку Уран (р. Урень в Татарстане), потом через реку Урам (р. Урым или Урем)»... и так далее, вплоть до встречи с болгарским царем Алмушем, которая произошла 12 мая 922 г. где-то в районе устья р. Камы. С того дня, как багдадские послы покинули Хорезм (Джурджанию), прошло семьдесят дней...

Однако мы вернемся к древним башкирам и поговорим о том, о чем Ибн Фадлан не знал, да и особенно не интересовался. Его записки-«рисала» — это по сути самое раннее письменное упоминание о башкирах в Приуралье. Есть, правда, еще один документ — описание путешествия арабского купца Саллама ат-Тарджумана, который в 842 — 843 гг. по заданию халифа ал-Васика совершил путешествие на восток в поисках страны легендарных племен «Йаджудж и Маджудж» (в Библии — Гог и Магор). Это описание дошло до наших дней в пересказах двух средневековых авторов: арабского географа ал-Идриси, в 1154 г. написавшего книгу «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), в которой в главе, посвященной описанию Поволжья и Приуралья, приведен рассказ Саллама ат-Тарджумана: «Мы отправились из Серменраи (город Самарра в Ираке) с письмом халифа к правителю Армении Исхак-бен Исмаилу, в котором он просит последнего позаботиться о нас и облегчить нам средства к успешному выполнению своего поручения. Этого князя мы нашли в Тифлисе. Он проводил нас к Царю Серира (ас-Серир — область, расположенная на западном берегу Каспийского моря, возле Дербента), который, приняв нас ласково, препроводил к князю Аланов. А этот доставил нам возможность добраться к князю Филан-шаху. Отсюда мы препровождены были к Тархану, Хазарскому царю. Отдохнувши в резиденции этого государя 24 часа, мы продолжили путь с опытными провожатыми, которых позаботился дать нам Филан-шах и которые *довели нас через 27 дней до пределов страны Башкир*. Отсюда нам пришлось переходить в продолжение 10 дней обширную страну, черноземистую и издающую вонючий запах... Затем мы странствовали целый месяц по пустынной стране, покрытой развалинами и остатками прежних жилищ».

Однако в книге Ибн-Хордадбега «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), написанной примерно через 40 лет после путешествия Саллама ат-Тарджумана, сказано: «Мы остановились у владыки хазар на одни сутки, чтобы он отправил с нами пять проводников. Мы

шли от них 26 дней и достигли черной земли с неприятным запахом. Прежде чем вступить на эту [землю], мы запаслись уксусом и нюхали его, чтобы отбить скверный запах, и шли [так] 10 дней. Затем мы пришли к городам, [лежавшим] в развалинах, и шли по этим местам еще 20 дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые [когда-то] проникли Йаджудж и Маджудж и разрушили их». Завершает этот отрывок автор словами: «Рассказал мне Саллам ат-Тарджуман эту историю в общем, затем продиктовал ее мне из послания, которое было написано для ал-Васика би-ллаха».

Таким образом, в первоначальном варианте рассказа Саллама ат-Тарджумана, записанном Ибн-Хордадбеком с его собственных слов, о башкирах в Приуралье ничего не говорится. Очевидно, по той причине, что их там в первой половине IX в. еще не было. А где же они были? Ответ на этот вопрос мы находим в трудах выдающегося советского и российского историка и этнолога Р. Г. Кузеева — основного исследователя этнической истории башкирского народа.

Изучив огромное количество источников по исторической этнографии, антропологии, археологии, историческому языкознанию, топонимии тюркских, финно-угорских и индо-иранских народов, сведения башкирских исторических преданий и родословных-шежере, Р. Г. Кузеев установил, что формирование древнебашкирских племен и началь-

Идриси (Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абдаллах ибн Идрис ал-Идриси) (1100—1161 гг.) — арабский путешественник, географ, служил при дворе сицилийского короля Рожера II. По заказу короля написал книгу «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), в которой собрал и изложил интересные сведения по истории и исторической географии стран Европы, Азии и Африки. С целью сбора материала для книги совершил путешествие по Северной Африке, Центральной Европе и Передней Азии. Широко использовал сочинения более ранних авторов: Птолемея, Ибн-Хордадбека, Джейхани, Ибн-Хаукаля, ал-Масуди и др. У Ибн-Хордадбека Идриси позаимствовал сведения Саллама ат-Тарджумана о его поездке через степи Южного Приуралья, дополнив их сведениями, почерпнутыми из других источников.

Ибн-Хордадбех (Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Хордадбех) (IX век) — начальник почтовой и дорожной службы при дворе багдадского халифа. По долгу службы ему приходилось собирать сведения о дорогах, караванных путях, городах, колодцах и расстояниях между ними, народах, живущих на территории Халифата и за его пределами. С этой целью он собирал сведения из различных не дошедших до нас документов, рассказов купцов и путешественников и обобщил их в своей «Книге путей и стран», которая по сути своей была справочником-путеводителем «для служебного пользования».

ные этапы их этногенеза происходили в степях Центральной Азии и Алтая среди древнетюркских и монгольских племен. Исследователь приводит сведения одного из древнекитайских письменных источников, датированного 643 г. н. э., в котором одно из племен древнетюркского союза теле носило название «ба-шу-ки-ли», и это название отождествляется с этнонимом башкурт-башкир. Кочевали ба-шу-ки-ли — башкурты — в степях между Аральским и Каспийским морями, куда они пришли, по-видимому, в период между 603 и 630 гг. Это было крайне беспокойное время. Только что раздираемый внутренними усобицами рухнул первый Тюркский каганат, созданный в середине VI в. вождем всех тюрков Бумыном, в 551 г. провозглашенным «каганом Тюркского эля». К этому времени он уже успел объединить под своей властью многочисленные племена кочевых тюрков Монголии и Алтая, которых китайцы, их южные соседи, называли одним прозвищем — «теле» («тележники»). Происхождение данного слова связано с телегами на высоких колесах, на которых тюрки перевозили свой скарб во время перекочевков.

Брат и наследник Бумын-кагана Истеми-каган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, а затем на Волгу и Северный Кавказ. А сыновья Бумына, Муган-каган и Таспар-каган, утвердили господство тюркской династии в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей и кыргызов. Мало того, при Таспар-кагане, который правил в 572—582 гг., северокитайские государства Ци и Чжоу исправно платили дань тюркам. Союза с тюрками искали (и находили) Византия и Иран, ведущие бесконечные войны друг с другом за господство на Великом шелковом пути. Да и сами тюркские каганы активно включались в эту борьбу, поскольку прекрасно понимали,

Кузеев Раиль Гумерович (10.01.1929—02.08.2005) — этнолог, историк, член-корреспондент Российской Академии наук, академик Академии наук Республики Башкортостан, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР и БАССР, основатель Музея археологии и этнографии народов Южного Урала. Научные исследования Р. Г. Кузеева посвящены формированию этнического состава и этнокультурному взаимодействию тюркских, финно-угорских и восточнославянских народов Поволжья и Южного Урала, проблемам *этногенеза* и этнической истории башкирского народа. Автор около 500 научных работ, среди которых фундаментальные монографии «Происхождение башкирского народа» (1974), «Историческая этнография башкирского народа» (1978), «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю» (1992).

что тот, кто контролирует Великий шелковый путь, контролирует всю трансконтинентальную торговлю между Востоком и Западом.

Но политическое счастье изменчиво и недолговечно. В 581—588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй, императоры которой, проведя ряд умных реформ, вновь вывели империю в ряд самых могущественных в экономическом и военном отношениях держав Востока. В кочевой же степи практически в это самое время разразился страшный *джут*, повлекший за собой голод и разорение рядовых кочевников. Исправить положение за счет набегов на соседей тюркским каганам не удалось — соседи уже не желали просто так расставаться со своим добром. А история человеческая показывает, что власть, не способная накормить собственный народ, обречена на падение и гибель. Так и случилось в 582—603 гг., когда вследствие острейшего внутреннего кризиса и борьбы различных группировок тюркской знати за власть Первый Тюркский каганат окончательно распадается на Восточный (центрально-азиатский) и Западный (среднеазиатский) каганаты, сразу же вступившие в затяжные и изнурительные войны между собой.

Если Восточнотюркский каганат, центральную часть которого составляла современная Монголия, оставался типично кочевническим государством, то Западнотюркский каганат в Средней Азии (сами тюрки называли свое государство Он Ок эли — «Государство десяти стрел») состояло из кочевого тюркского и оседло-земледельческого согдийского (иранского) населения. И если кочевые тюрки представляли собой господствующую военно-политическую силу, то согдийские купцы, ремесленники и земледельцы-дехкане составляли экономическую базу западнотюркского государства.

Среди первых находились и древние башкиры, следы пребывания которых в Средней Азии Р. Г. Кузеев обнаружил в виде названий «Башкуртских гор» в верховьях Амударьи, где-то в районе города Термеза (на границе Узбекистана и Афганистана), местности «Башкурт» на Центральном Памире.

На территории Средней Азии древние башкиры соседствовали с племенами кочевого владения Кангюй, расположенного между Ферганой и Северным (Каспийским) морем. Самое первое упоминание о нем содержится в «Исторических записках» китайского историка Сыма Цяня, написанных в 99 г. до н. э. Составлявших это владение кочевых племен «кангаров» или «кенгересов» современные исследователи традиционно связывают с «баджинаками-печенегами». Подтверждение этому мы находим в книге византийского императора Константина Багрянородного, который как бы вторит сообщениям китайского историка, совершенно ничего о них не зная: «...Между тем Печенеги, раньше называвшиеся Кангар (ибо это наименование применялось у них в отноше-

нии к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Печенегами, тогда называвшимися Кангар, войско Турков было разбито...»

Таким образом, по мере расширения границ Западнотюркского каганата печенеги и башкиры становятся его западной периферией и авангардом. Вместе они осваивают степи в бассейне Сырдарьи и Приаралья. Об этом периоде истории башкир повествует родословная-шежере башкирских племен усерган и бурзян, записанная в конце 1920 г. С. Мирасовым: «Прадед башкирского народа Муйтен жил со своим родом на Сырдарье». Внуков родоначальника бурзян Бурзян-бия звали Арал-бий и Урал-бий. Урал-бий перекочевал в долину р. Яик, а Арал-бий остался на старой родине и вместе с братьями Апэком и Бускыном кочевал в восточных степях ... вокруг Аральского озера». В историческом предании о происхождении племени тангауров говорится о том, что деды бурзян и тангауров, вместе жившие на берегу Аральского моря, однажды увидели в его волнах серебряную лодку, в которой оказалась ханская дочь красавица Кулямелек-Курклык. Отец спрятал ее от посторонних глаз в темнице. Здесь она забеременела от солнечных лучей, тогда рассерженный отец посадил ее в лодку и пустил на волю морской стихии. Тангаурские и бурзянские батыры, еще не выловив лодку, порешили, что сама лодка достанется бурзянцам, а то, что в ней — тангаурцам. Выловив лодку, батыр тангаурцев женился на красавице и от них пошло племя тангауров.

Эти повествования перекликаются с историческими преданиями юго-восточных башкир о переселении их предков на Урал с Сырдарьи или с берегов легендарного моря Мбуф (Аральского). Так, в предании о происхождении айлинских башкир, мурзаларцев и тырнаклинцев говорится о том, что их предки в старину назывались сырдарьинскими башкирами и жили в местности Каип на берегу Сыра. Однажды у одного из биев потерялись красавица-дочь Гедельбану, серый конь и резвая кобылица. Трое егетов отправились на их поиски. Девушку они нашли недалеко от о. Тургояк, а лошадей — на берегу р. Ай. Вернувшись на Сырдарью, юноши рассказали об увиденных землях, и весь род, все сырдарьинские башкиры переселились на Урал.

И наконец, совершенно определенно на факт пребывания башкир в степях Приаралья и их союз с печенегами указывает еще один автор X в., фактически современник Ибн Фадлана, арабский историк, географ и путешественник ал-Масуди.

В третьей своей книге «Фурмун аль-Маариф ва маджара фи ад-Духур ас-Савалиф» («Сорта знаний или что случилось в прошлом»), до наших дней, к сожалению, не сохранившейся, ал-Масуди упоминает башкир,

после 932 г. вместе с печенегами («баджинаками») кочевавших в причерноморских степях. «Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрологические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда — они же суть три рода из Турка есть то же, что море Нейтас (Бонтас, Понт, Черное море)». Этот же автор объясняет и причину переселения башкир в Причерноморье и называет территории, откуда они туда переселились: «...Эти тюркские кочевники есть Баджинак, Баджна, Баджгирд и Нукбрдх.* Они завоевали многочисленные из пяти областей... После 932 года они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантини (Византия) в Румию (Европа)... В книге «Фурмун аль-Маариф ва маджара фи ад-Духур ас-Савалиф» мы отмечали причину появления этих четырех тюркских племен с востока — это войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан (Аральского)».

Судя по датам жизни ал-Масуди и приведенной выше дате, все эти события — войны между печенегами и башкирами с огузами, кимаками и карлуками за приаральские степи происходили в конце IX в. Эта дата вполне согласуется с упоминанием византийского императора Константина Багрянородного о том, что печенеги появились в степях Восточной Европы 55 лет назад (см. выше).

Ал-Масуди (Абу-ль-Хасан ибн ал-Хусейн) (конец IX в. — 956/957 гг.) — арабский историк, географ и путешественник, известный так же, как «Арабский Геродот», т. к. являлся первым арабским историком, объединившим исторические и географические наблюдения в крупномасштабную общую работу. Происходил из рода сподвижника пророка Мухаммеда Абдаллаха ибн Мас'уда. Ал-Масуди наиболее известен исторической работой в тридцати томах под названием «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней» («Мурудж аззахаб ва ма'адин ал-джавахир», в устаревшем варианте перевода «Золотые луга»). Незадолго до смерти он закончил второе, дошедшее до нас, сочинение «Книгу предупреждения и пересмотра» («Китаб ат-танбих ва-л-ишраф»), где исправил и уточнил информацию, изложенную ранее. Оба произведения отличаются как наличием важных исторических подробностей, так и изложением фантастических легенд и преданий. Ал-Масуди во время своих путешествий побывал в различных провинциях Персидской Империи, на Кавказе, в регионах, прилегающих к Каспийскому морю, в Сирии, Аравии и Египте. Некоторые исследователи предполагают, что он также мог посетить Китай и остров Шри-Ланка. В своих работах ал-Масуди также упоминает Киевскую Русь и Хазарию, и его работы являются важным историческим источником по истории этих стран.

* Так у ал-Масуди (В. И.).

Сообщения о западной, причерноморской группе башкир, приведенные ал-Масуди, перекликаются со сведениями еще одного арабского географа IX — начала X вв. Абу-Зейда ал-Балхи (850 — 934 гг.), который в своем сочинении «Сувар ал-Акалим» («Карты климатов») также сообщает о двух группах или племенах башкир («башджардов»): «Башджарды разделяются на два племени; одно племя живет на самой границе Гуззия. Говорят, что оно состоит из 2 000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны булгарам. Другие Башджарды соседят с печенегами. Они и печенеги — турки — близкие соседи Румийцев».

Если учесть, что, как об этом свидетельствуют средневековые письменные источники и археологические материалы, в X в. западная граница огузских кочевий проходила по левому берегу Нижней Волги, а северная — по низовьям Узеней (Западный Казахстан) и р. Илек, то первое из упомянутых ал-Балхи племен «башджардов» — это приуральские башкиры, тогда как «башджарды» — соседи печенегов и «румийцев» — это та часть древних башкир, которые вместе с печенегами ушли на запад под натиском враждебных им огузов.

Итак, печенежско-башкирский союз племен, потерпев поражение от огузов и их союзников — кимаков и карлуков, распался на две части. Что, впрочем, и не удивительно, поскольку печенеги и их союзники, башкиры, представляли собой легкую степную конницу, воевавшую луками со стрелами и саблями, а у огузов и их союзников, кимаков, были тяжеловооруженные конные копейщики, защищенные «броней» — пластинчатыми доспехами и кольчугами. Большая часть печенегов и какая-то часть башкир отступили на запад, в степи современной Украины. Произошло это незадолго до 875 г., когда русская летопись — «Повесть временных лет» — хотя и невнятно, но сообщает о разгроме киевским князем Аскольдом печенегов. Естественно, что произошло это далеко на западе от Волги.

Некоторые из ушедших вместе с печенегами башкирских родов позже возвращались на Урал и приносили с собой предания и легенды о своей древней прародине. Например, в эпическом сказании северо-восточных башкир — айлинцев, кудейцев, туркмен — «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков», происхождение которых Р. Г. Кузеев непосредственно связывал с печенегами и огузами, прямо говорится о том, что «во времена, что древнее древнего, давнее давнего, жил, говорят, на свете старик по имени Янузак со старухой по имени Уралбика. Эти двое стали последней семьей рода Балабашняков. В стародавние времена башняки обитали между морем Азак (Азовское) и рекой Калкой, занимаясь скотоводством». Если учесть, что «балабашняками» сами башкиры называли печенегов, дальнейшие комментарии, как говорится, становятся излишними.

Башкиры, оставшиеся вместе с печенегами в Приуралье, вместе с ними же оказались в довольно затруднительном положении. Оттеснив с помощью хазар печенегов и башкир на северную периферию Волго-Уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь богатую по своему природному потенциалу, но очень удобную с точки зрения торговых и культурных связей с оседлыми племенами Урало-Поволжья. С территории «Дешт-и-Огуз» открывались прямые пути к городам Восточной Европы и Средней Азии. Прежде всего, огузы получили возможность контроля над хазарско-хорезмийской торговлей, поскольку именно через их территорию проходил тот отрезок Великого шелкового пути, по которому двигалось багдадское посольство.

Кроме того, огузы держали под своим контролем и плато Устьюрт с его колодцами и караван-сараями. А это — прямой сухопутный путь из Хорезма (Джурджании) в Хазарию и на Русь. И хотя археологических памятников, которых можно было бы однозначно отнести к огузам, на плато Устьюрт пока не обнаружено, но на карте Хазарского (Каспийского) моря, составленной в конце 970 г. арабским географом и картографом Ибн-Хаукалем, все его восточное побережье обозначено как «Пустыня Гуззов». Следуя по плато Устьюрт древним караванным путем, можно было беспрепятственно достигнуть северных границ Хорезма и г. Кят — основного центра огузо-хорезмийской торговли.

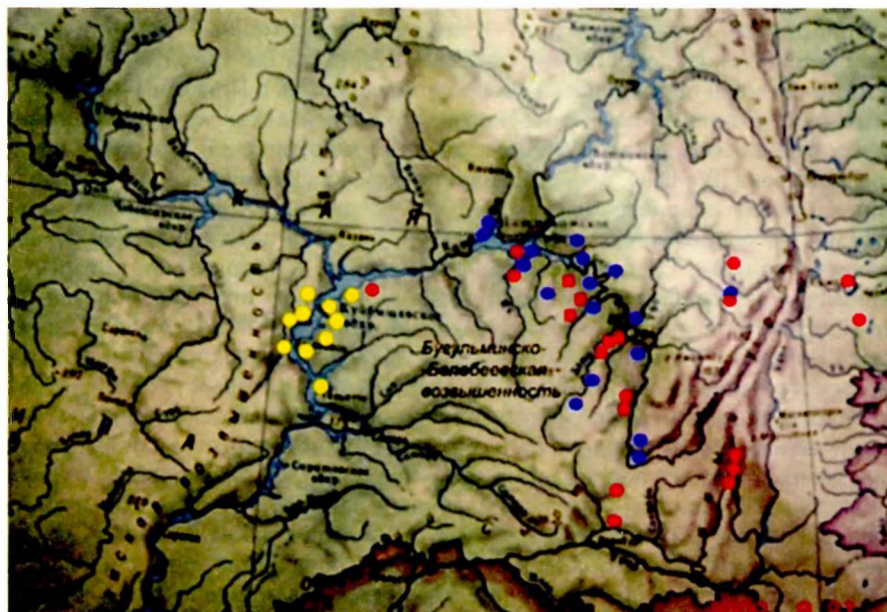
Наконец, где-то в середине X в., лет через 30 — 40 после путешествия Ибн Фадлана, недалеко от северных границ «Дешт-и-Огуз» появляется крупный торгово-ремесленный центр волжских булгар — городище на Самарской Луке, археологам известное под названием «Муромский городок» — самый южный город Волжской Булгарии домонгольского периода.

Все эти обстоятельства способствовали обогащению не только огузской знати, но и массы рядовых кочевников-воинов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что заволжские печенеги, для которых путь в хазарско-хорезмийскую торговлю был закрыт, показали Ибн Фадлану «бедными, по сравнению с огузами», а башкиры, оттесненные к южным отрогам Бугульминско-Белебеевской возвышенности, — «самыми худшими из тюрков, ... более других посягающие на убийство».

Вообще-то от башкир, прижатых к предгорьям Южного Урала, трудно было бы ожидать радушия и гостеприимства по отношению к пришельцам. Они были кочевниками, а территория, на которой они обосновались после отступления из Приуралья, для ведения кочевого хозяйства оказалась тесноватой. Бугульминско-Белебеевская возвышенность, занимающая большую часть территории современного Башкортостана, представляет собой плато, на 200 — 480 м возвышающееся над

уровнем моря. Что это значит? Это значит, что снег на склонах холмов, увалов и сыртов лежит до конца апреля — начала мая. Территория Бутульминско-Белебеевской возвышенности вся изрезана балками, оврагами, руслами рек и речушек, которые стекают с нее. А это значит, что воды из них можно набрать только во время таяния снегов, в половодье, а к августу они пересыхают, а трава высыхает и хрустит под ногами и копытами. И наконец, и состав почв на возвышенности, и старые карты середины XIX в. указывают на то, что большая часть ее территории была покрыта лесами, так что вести кочевое хозяйство на территории возвышенности было просто невозможно. Поэтому вполне объяснимо и то обстоятельство, что, несмотря на многолетние поиски, археологических памятников эпохи средневековья на Бутульминско-Белебеевской возвышенности найти пока не удалось.

Наверное, можно было кочевать на равнинах между левым берегом Волги и западными склонами Бутульминско-Белебеевской возвышенности, но эта территория уже контролировалась волжскими булгарами. На расстоянии 150 км от р. Кундурчи (а это 3—4 конных дневных пере-

● — ранние булгары, древние угры — предки магьяр-венгров ● — в VII—VIII вв. ● — в VIII—IX вв.

Карта Бутульминско-Белебеевской возвышенности: расселение племен в VII—IX вв. и места нахождения археологических памятников IX—X вв.

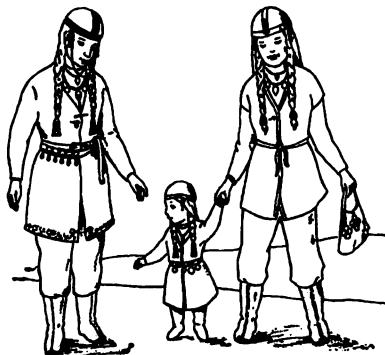
хода) известны могильники волжских булгар — Танкеевский, Кайбельский, Старомайский, Тетюшский и другие.

Был, конечно, еще степной «коридор» — участок степи между реками Дема и Белая, по которому башкиры во время своих летних кочевий-ййляу могли доходить до южных отрогов «Уфимского полуострова». Но и там кочевать было тоже не совсем комфортно. Во-первых, с запада и востока к этому довольно узкому (не более 80 км) «коридору» подступал лес, всегда пугавший кочевников своим сумраком и несмолкаемым шумом листвы, а, во-вторых, под сенью этих лесов жили хотя и немногочисленные, но также воинственные и чуждые башкирам по языку и культуре угорские племена.

Так что, волей-неволей, древним башкирам оставался один путь обогащения — набеги на торговые караваны и огузские кочевья. Тем более что к огузам — своим давним врагам — они едва ли питали теплые дружеские чувства. А для багдадских послов, «с подачи» огузов, они, конечно, не могли быть никем иным, как «самыми худшими из тюрок».

Не останавливаясь у башкир надолго, да и вообще, не интересуясь более ничем из их жизни, багдадское посольство спешно двинулось

Прародиной древних угров — предков современных венгров, хантов и манси — являлись лесостепные районы Зауралья и Западной Сибири. Оттуда угорские племена периодически совершали *миграции* в Прикамье и Приуралье, обозначенные появлением здесь новых археологических культур: межовской в эпоху бронзового века (XIV—XI вв. до н. э.), гафурийской — в эпоху раннего железного века (IV—III вв. до н. э.), неволинской, кушнаренковской и караякуповской — в эпоху средневековья (конец VI — середина IX вв. н. э.). По мнению большинства современных исследователей, племена караякуповской культуры являлись предками современных венгров-мадьяр, а территория, которую они занимали, — центральные районы современного Башкортостана, бассейн среднего и нижнего течения р. Белой — являлась «Древней или Великой Венгрией» (Magna Hungaria), упомянутой в средневековых письменных источниках (письмо венгерского монаха-доминиканца брата Юлиана, который в 1235—1236 гг. совершил путешествие в Волжскую Булгарию специально с целью поиска своих сородичей и нашел их в неделе пути от города Биляра — столицы Волжской Булгарии домонгольского периода. В первой половине IX в., примерно за 100 лет до путешествия Ахмеда ибн-Фадлана, мадьяры в основной своей массе мигрируют на запад, вначале к границам Киевской Руси, а затем и далее, в Паннонию, где на берегах Дуная и Тисы они создают собственное государство. Но ушли они не все. Какая-то часть угров-мадьяр осталась в Приуралье и вошла в состав Волжской Булгарии, а в лесах Бельско-Уфимского междуречья и на берегах среднего и нижнего течения р. Белой продолжали обитать разрозненные группы угорских племен, вообще не признающие над собой ничьей власти и живущие по собственным законам.

Костюм ранних булгарок (реконструкция А. Х. Халикова)

*Ранние волжские булгары могли выглядеть так...
(реконструкция А. Х. Халикова)*

далее. Шли они, очевидно, известным караванным путем, где ничего достопримечательного встретиться уже не могло. Поэтому Ибн Фадлан при описании последних дней пути к Волжской Булгарии только перечисляет реки, через которые пришлось переправляться посольскому каравану, и совершенно неопределенно говорит о том, что расстояние пути между этими реками «два дня или три, или четыре». Реки же эти «Джарамсан» (Большой Черемшан), «Уран» (Урень), «Урам» (Урым или Урем), «Байнах» (Майна), «Ватыг» (Утка), «Нийасна» (Неяславка). И наконец, 12 мая 922 г., через семьдесят дней пути от Джурджани-Хорезма, багдадские послы прибыли в ставку болгарского царя Алмуша-Алмаса, которая, как предполагал А. П. Ковалевский, находилась тогда в районе села Три Озера на юге современного Татарстана. Приняты они были весьма торжественно: во-первых, за сутки до прибытия навстречу послам выехала пышная свита, состоявшая из четырех подвластных Алмушу «царей» — вождей племен, входивших в состав ранней Волжской Булгарии, сыновей и братьев болгарского царя; во-вторых, когда послы приблизились к ставке Алмуша на расстояние двух *фарсахов*, он сам выехал к ним и даже, как пишет Ибн Фадлан, «сошел с лошади, пал ниц, поклоняясь Аллаху, великому, могучему». Затем в течение четырех дней послы отдыхали в специально поставленных для них юртах, а в это время в ставку болгарского царя съезжались «цари его земли, предводители и жители его страны, чтобы услышать чтение письма халифа».

...В четверг, 16 мая 922 г., на лугах вокруг села Три озера (ныне Чистое, Курышевское и Атаманское возле села Три озера) былолюдно и шумно. Как грибы-шампиньоны, на зеленой луговине вырастают войлочные юрты, выстраиваясь ровными рядами к востоку и югу от ханской ставки. Беспреданно куда-то скачут вооруженные всадники, режут верблюды, блеют овцы и ржут кони, рискуя быть растоптанными, туда-сюда снуют оружие о чем-то своем вездесущие ребяташки. Над юртами развеваются на ветру родовые знамена-бунчуки. Это многочисленные подданные царя Алмуша съехались для торжественной встречи послов халифа правоверных. Среди них — собственно болгары, родственные им берсула (барсилы), суазы (сувары), билеры, баранджары, угорские племена эсегелей (эскилов, ишкилов).

Ранняя Волжская Булгария царя Алмуша была государством полиэтническим (многонациональным). Известный советский археолог, профессор Казанского университета А. Х. Халиков считал, что среди них самую культурную часть составляли **баранджары** — потомки населения первой столицы Хазарии города Беренджера-Баранджара, разгромленного арабами в 723 и 737 гг.

Суазы (сувары), по мнению ученого, — потомки гуннских племен Северного Кавказа, включенные ханом Кубратом в состав Великой Болгарии.

Берсула (барсилы) — собственно болгары или так называемые «серебряные болгары».

Эсегели (эскилы-ишкилы) — племена прикамского, вероятнее всего угорского происхождения, расселившиеся на территории Волжской Булгарии в процессе ее становления как государства.

Сами тюркоязычные болгары-берсула и баранджары составляли правящую элиту государства. Заняв в первой половине VIII в. территории в районе устья р. Камы, болгары продолжают кочевать, создавая своеобразный эффект речного водоворота: втягивают в орбиту своей государственности соседние племена Поволжья и Прикамья. Исследования казанских археологов Е. А. Халиковой, А. Х. Халикова, Е. П. Казакова показывают, что население самых ранних болгарских могильников — Больше-Тарханского, Уреньского, Кайбельского, датированных второй половиной VIII — первой половиной XI вв., было не однородным. В этих могильниках выделяются собственно болгарские погребения и погребения угорских племен, своим происхождением связанных с Прикамьем и лесным Приуральем. Первые — это захоронения в узких глубоких могилах, головой на запад и плоскодонным кувшином, вылепленным на гончарном круге, поставленным в изголовье. Вторые — захоронения в неглубоких могилах, головой чаще всего на северо-запад, со шкурой коня, уложенной в ногах умершего (череп и кости ног), и вылепленным вручную круглодонным сосудом в изголовье. В этих же погребениях довольно часто встречаются серебряные погребальные маски-личины.

Халиков Альфред Хасанович (1929–1994 гг.) — видный советский археолог, доктор исторических наук, профессор, академик АН Татарстана. Исследователь археологических культур Среднего Поволжья и Прикамья эпохи бронзового века — средневековья. Создатель казанской школы археологии. Автор более 400 научных работ, среди которых такие монографии, как «Древняя история Среднего Поволжья» (1969), «Волго-Камье в начале эпохи раннего железа» (1977), «Происхождение татар Поволжья и Приуралья» (1979), «Татарский народ и его предки» (1989). Много лет изучал историю и культуру Волжской Булгарии. По его инициативе была организована Билярская археологическая экспедиция по изучению города Биляра («Великого города») — первой столицы Волжской Булгарии, разрушенной монголами в 1236 г., которой А. Х. Халиков руководил до конца своей жизни.

Булгарин (современная реконструкция)

В погребальном обряде ранних булгарских могильников (языческих) можно наглядно увидеть процесс последовательной *ассимиляции* части булгар прикамско-приуральскими угорскими племенами. Особенно хорошо это прослеживается на материале женских погребений. Среди украшений, помещенных в могилу вместе с умершей (а женские украшения и, вообще, женский костюм, являются наиболее консервативной и устойчивой категорией материальной культуры любого народа), мы практически не находим типичных булгарских, зато очень много — прикамских угорских. И прежде всего, это всевозможные шумящие подвески с привесками на цепочках — характерный элемент угорского костюмного убранства.

Булгары-пришельцы брали себе жен из местных угорских племен и дети, родившиеся от таких браков и воспитанные матерями, уже не явля-

лись «чистыми» булгарами. В своих исследованиях археолог Е. П. Казаков показывает, что во второй половине X — XI вв. этот процесс становится более интенсивным. Расширяя территорию своего государства, волжские булгары вбирают в себя и предков современных марийцев (волжских финнов) и удмуртов (финно-пермяков), и мордвы.

Но вернемся на берега Трех озер... Когда наконец зарокотали сигнальные барабаны и гнусаво затрубили рога, народ потянулся на *майдан* перед царской юртой, где на специальном помосте, застланном нарядной кошмой, уже стояли два трона, — для царя и его жены — покрытые византийской парчой. Началась церемония вручения царю Алмушу подарков, среди которых едва ли не главными были два знамени, меховой «савад» (специальная одежда сановников багдадского халифа) и тюрбан. Затем через переводчика Ибн Фадлан зачитал царю письмо халифа Муктадира. Причем, все присутствующие, включая царя и царицу, выслушали его стоя. Завершилась «торжественная часть» вручением подарков — халата, жемчуга, благовония — жене царя Алмуша.

Завершился прием послов грандиозным пиром, на котором каждый из гостей, начиная с посла Сусана, получил кусок мяса из рук самого царя. А через три дня разразился не менее грандиозный скандал: царь Алмуш, очевидно, через своего переводчика еще раз внимательно перечитал письмо халифа и узнал, что, кроме подарков, послы должны были еще передать ему деньги — 4 000 динаров на постройку крепости. Те самые деньги, которые они так и не получили от Ахмеда ибн-Мусы Хорезмийца, который был перехвачен политическими противниками и в Мерве посажен в тюрьму. Но послы об этом не знали, а болгарского царя все эти интриги просто не интересовали. Поэтому он был в ярости и, как пишет Ибн Фаддан, вызвал его к себе и буквально швырнул ему в лицо

то самое письмо халифа, которое еще три дня назад благоговейно слушал стоя, с вопросом — где деньги? Путаный ответ Ибн Фадлана о том, что послы де торопились успеть вручить царю подарки и поэтому не стали дожидаться прибытия денег в надежде, что человек, долженствующий их доставить, догонит послов в пути, по-видимому, не удовлетворил царя. «Скажи ему, — приказал он своему переводчику, — я не признаю этих людей. Подлинно я признаю только тебя одного, и это потому, что эти люди не арабы. И если бы знал наставник халиф, да поможет ему Аллах! что они возвестят мне то, что ты возвестил, он не послал бы тебя, чтобы ты сохранил его поручения для меня: прочел бы его письмо ко мне и выслушал бы мой ответ. И я не потребую ни одного дирхема ни у кого, кроме как у тебя, так что отдавай деньги, и это самое лучшее для тебя».

Царь Алмуш, судя по описанию Ибн Фадлана, был человек крупного телосложения, грузный с басовитым голосом («как будто бы он говорил из большого кувшина»), поэтому разговор с ним произвел на нашего автора тягостное впечатление: «я ушел от лица его перепуганный, удрученный». Но на этом дело, естественно, не кончилось. Еще несколько дней болгарский царь тщетно пытался добиться от багдадских послов внятного объяснения, где деньги и когда он сможет их получить. В конце концов, поняв, что денег он не увидит, Алмуш собрал «перед лицом своим» всех багдадских послов и устроил им «разнос» в стиле морально-нравственного диспута.

Вещи из раннебулгарских погребений

Царь Алмуш встречает багдадских послов. Картина хуг. Р. Шамсутдинова

Суть «диспута» заключалась все в тех же злосчастных 4 000 динарах, а поводом — услышанное Ибн Фадланом и раскритикованное им двойное провозглашение *икамы* булгарским *муэдзином*. Дело в том, что в Багдадском халифате *икаму* провозглашали один раз (ислам *шафиитского* толка), а в Хорезме — дважды (ислам *ханифитского* толка). С канонической точки зрения, оба толка ислама равноправны. Однако принятие той или иной формы *икамы* влекло за собой и введение всей системы обрядов и юридических норм данного толка. Таким образом, в данном случае для Ибн Фадлана вопрос об *икаме* был вопросом престижа, вопросом политическим.

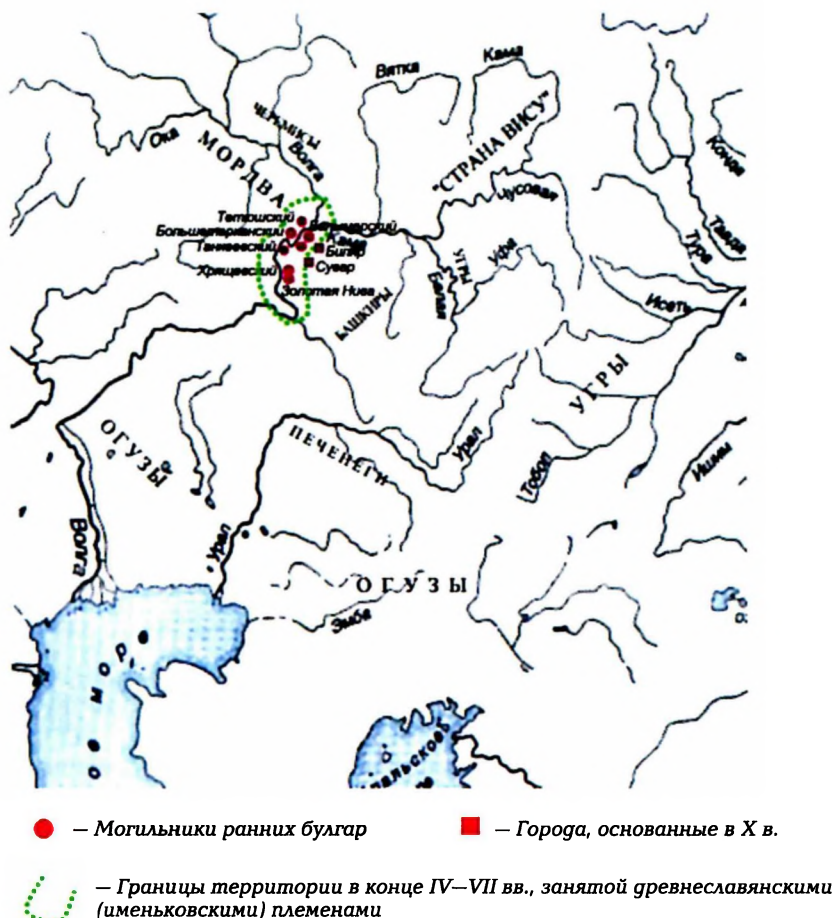
Булгарскому царю Алмушу нельзя отказать в политической хитрости и остроумии. Первый вопрос, который он задал багдадским послам в лице Ибн Фадлана, заключался в том, есть ли разница между молитвами, прочтенными двумя *муэдзинами*, из которых один провозглашает *икаму* единожды, а второй — дважды? На что Ибн Фадлан, естественно, ответил, что разницы никакой нет и обе молитвы допустимы. Вопрос второй: «Что ты скажешь о человеке, который вручил неким людям

деньги, предназначенные для людей неимущих, осажденных, поработанных, а те обманули его?» Надеюсь, читателю ясно, о чем идет речь. Что мог ответить на это Ибн Фадлан? Конечно, то, что «это недопустимо и те люди скверные».

Третий вопрос царя был не просто каверзным, он был убийственным: «Знаешь ли ты, — обратился он к Ибн Фадлану, — если бы халиф, да продлит Аллах его пребывание в этом мире, послал ко мне войско, то одолел ли бы он меня?» Получив отрицательный ответ, он продолжил: «А эмир Хорасана?» Ответ был тоже отрицательный. «Это не вследствие ли отдаленности расстояния и многочисленности между нами племен неверных?» Ибн Фадлан ответил: «Да». Если отбросить дипломатическую витиеватость, то суть вопроса заключалась в том, должен ли я, царь болгар, бояться и боюсь ли я халифа (шафиита) или хорасанского эмира (ханифита)? Нет, не должен и не боюсь, в чем ты, почтенный Ибн Фадлан, меня и убедил.

А далее последовала речь царя, в которой он окончательно «припечатал» багдадских послов за их нерадивость и «поставил крест» (если так можно выразиться применительно к исламской подоплеке всего этого дела) на всем их предприятии: «Итак, клянусь Аллахом, воистину в моем отдаленном местопребывании, в котором ты меня видишь, подлинно я боюсь своего господина, повелителя правоверных. А именно я боюсь, что до него дойдет обо мне что-либо такое, что вызовет его отвращение и он проклянет меня, и я погибну в моем местопребывании, в то время как он будет оставаться в своем государстве, и между мною и им будут простираться обширные страны. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежду, во всякое время видите его, вы обманули его в отношении размера той посылки, с которой он отправил вас ко мне, к людям неимущим, вы обманули мусульман, — я не приму от вас руководства в деле своей веры, пока не придет ко мне такой человек, который будет искренен в том, что он говорит. И если придет ко мне такого рода человек, то я приму от него руководство». Ответить послам было нечего: «Так он зажал нам рот, мы не дали никакого ответа и удалились от него».

Все! Миссия багдадских послов провалилась с треском! Возможно, Ибн Фадлан еще пытался как-то оправдаться, но и не менее очевидно, что оправдания не были приняты царем Алмушем. И не были приняты потому, что для него вопрос о получении денег на постройку крепости из казны багдадского халифа имел исключительно политическое значение. Перед лицом постоянной хазарской угрозы и осознания своего униженного положения, как вассала хазарского кагана (болгары платили дань хазарам — по шкурке соболя с каждой семьи, сын болгарского царя находился в заложниках у хазар, а одна из его дочерей была насильно отдана в жены хазарскому кагану), финансовая поддержка от багдадского

Волжская Булгария и ее соседи в IX — начале X вв.

халифа для Алмуша означала одновременно и поддержку политическую. Послы, похоже, этого не понимали. Во всяком случае, Ибн Фадлан, ознакомившись с материальным состоянием страны волжских булгар, задал царю недоуменный вопрос: «Государство твое обширно, денежные средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которым нет числа?» На что получил вполне четкий ответ: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их денежные средства берутся из дозволенных религиозным законом источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить

крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом».

Одним словом, болгарский царь Алмуш был явно обижен, поэтому, несмотря на то что он хотя и провозглашал неоднократно свое преклонение перед авторитетом и величием багдадского халифа, ислам в своем государстве сохранил ханифитского (среднеазиатского) толка. А это означало, что политически он остался от халифа независимым.

Чем потом занимались в Волжской Булгарии багдадские послы, когда и каким путем вернулись в Багдад, — об этом ничего в записках Ибн Фадлана не сказано. Вообще, все исследователи этого документа, начиная с А. П. Ковалевского, считают, что написан он был уже в Багдаде и с одной главной целью — оправдать свой провал. Причем Ибн Фадлан пишет в таком ключе, чтобы убедить халифа и визиря в том, что сам он, Ахмед ибн-Фадлан, менее всего виноват в том, что потраченное время и средства фактически были потрачены впустую. Надо полагать, именно поэтому он буквально перегрузил свои записки сведениями, очень интересными для современных историков, но не имеющими никакого значения для тогдашней геополитики Багдадского халифата.

Как показал в своих исследованиях А. Х. Халиков, во времена Ибн Фадлана область формирующейся Волжской Булгарии, к тому же находившейся в вассальной зависимости от Хазарии, занимала относительно небольшую территорию. На юге она доходила до р. Большой Черемшан, на левом берегу которой уже начинались кочевья башкир, на западе естественной границей служила р. Свияга, на севере — р. Кама в ее низовьях, на востоке — реки Зай и Шешма. Судя по содержанию «рисала» Ибн Фадлана, он много ездил по Булгарии, сопровождая царя Алмуша в его передвижениях, тем не менее мы не найдем у него ни описаний дорог Волжской Булгарии, ни географии населенных пунктов и мест торжищ, ни характеристики их войска и вооружения, ни описаний рода занятий жителей. То есть ничего такого, что должно было бы составить у его багдадского «начальства» развернутое представление о далекой северной единоверческой стране. Зато приводит красочное описание то ли грозы, то ли северного сияния, ассоциировавшееся в его воображении с битвой «красных» и «черных» (верных и неверных) *джиннов*. Рассказывает совершенно невероятную историю об огромной змее длиной и толщиной со ствол дерева, которую он якобы встретил в лесу. С чьих-то слов (сам явно не пробовал) повествует о хмельном напитке из сока березы, которую он называет «дерево халандж». Довольно подробно пересказывает рассказ царя Алмуша о гигантском человеке, когда-то якобы приплывшем из далекой северной «страны Вису», расположенной в трех месяцах пути от Волжской Булгарии. Царь

Алмуш даже показал Ибн Фадлану скелет этого человека с черепом, «подобным большой кадке», и ребрами, «подобными самым большим сухим плодовым веткам пальм». По словам царя, жители «страны Вису» сообщили ему, что подобные люди «из числа *Йагжугж* и *Магжугж*» — сушие дикари, обитают от них на расстоянии еще трех месяцев пути на берегу моря и питаются рыбой, выброшенной волнами на берег. Как знать, а не видел ли Ибн Фадлан скелет одного из знаменитых «йети — снежных людей», сообщения о которых нет-нет да появляются в современных СМИ?

Самих болгар Ибн Фадлан описывает так, что перед мысленным взором читателя возникает картина пестрого в этническом, культурном и хозяйственном отношении общества. С одной стороны, болгары — кочевники («все они живут в юртах ..., пища их — просо и мясо лошади»), но с другой — занимаются земледелием («и пшеница, и ячмень у них в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для

«Страна Вису» — территория ломоватовской и родановской археологических культур в верхнем течении р. Камы, на севере современного Пермского края. Выделены известным советским археологом Владимиром Федоровичем Генингом (1924–1993) в 50-е годы прошлого столетия. На протяжении многих лет памятники ломоватовской культуры исследовались удмуртским археологом, профессором Р. Д. Голдиной, которая установила хронологию этой культуры (конец VI — IX вв. н. э.), дала характеристику материальной культуры ломоватовских племен, их образа жизни, духовной культуры и хозяйствования.

Родановская культура была объектом многолетних исследований известного советского археолога, профессора Пермского государственного университета В. А. Оборина (1929–1995), который также установил время существования этой культуры (X–XII вв. н. э.), дал ее всестороннюю характеристику, выявил генетическую связь племен родановской культуры с «ломоватовцами». По мнению В. А. Оборина, Р. Д. Голдиной и большинства современных исследователей, ломоватовские и родановские племена являлись тем самым народом «весь», неоднократно упоминавшимся в русских летописях, предками современного народа коми.

Начиная с X в., «народ вису» становится объектом активной торговой экспансии волжских болгар, которые получали там пушнину и продукты лесных промыслов в обмен на изделия своих ремесленников — кузнецов и ювелиров. С целью закрепить свое влияние среди прикамских племен болгары в конце X — начале XI вв. начинают основывать свои торговые фактории в таежном Прикамье. Одна из них была основана на Рождественском городище родановской культуры в низовьях р. Обва (правый приток Камы). Как установили основные исследователи этого памятника — пермские археологи профессор А. М. Белавин и профессор Н. Б. Крыласова — это был город Афкула, известный по упоминаниям в средневековых письменных источниках.

самого себя»). Делают запасы пищи и хранят их в земляных ямах-погребах («...у них нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь несколько дней, как она портится, воняет гнилью и ею нельзя пользоваться»). Подобные ямы-хранилища археологи в большом количестве находят на поселениях средневековых народов Волго-Камья и Приуралья.

Царя своего знают в лицо и почитают его. Во всяком случае, по сообщению Ибн Фадлана, царь может позволить себе в одиночку проехать по базару и все присутствующие встают, обнажив голову, и кланяются ему. Кроме того, каждая семья ежегодно платит царю *ясак* в виде одной соболиной шкурки, а также в случае свадьбы или какого-либо другого семейного торжества делает отчисления продуктами и напитками в пользу царя. Равным образом, в случае удачного военного похода царь имеет долю от захваченной добычи.

Стихийные бедствия воспринимают как наказание богов и не противятся им: «если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, каким он есть, и также все, что в нем находится — человека и имущество и все прочее, — пока не уничтожит его время. И они говорят: «Это дом тех, на которых лежит гнев».

В семейных отношениях придерживаются традиций *аталычества* и *лествичной* системы наследования: «Одно из их правил таково, что, если у сына какого-либо человека родится ребенок, то его берет к себе его дед, прежде его отца, и говорит: «Я имею большее право, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается взрослым мужем». И если умирает из их числа человек, то ему наследует его брат, прежде его сыновей».

За убийство соплеменника — преднамеренное или нечаянное — следует кровная месть. Причем, если в первом случае преступника сразу казнят, то во втором — заколачивают его в деревянный ящик, снабдив кувшином с водой и тремя лепешками, и подвешивают на столбах, говоря при этом: «Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его действие дождя и солнца. Авось Аллах смилостивится над ним». И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры».

По обычаю тюркоязычных кочевых племен, булгары чтут оружие: если мужчина-воин позволяет себе справить естественную нужду, не сняв предварительно с себя оружие, то его товарищи в наказание подчистую собирают его.

В отношениях между полами булгары соблюдали исключительное целомудрие и не считали обнаженное тело чем-то постыдным. Ибн Фадлан безуспешно пытался отучить их от совместного купания и мытья.

*Типы болгар (реконструкция
А. Т. Яблонского)*

Но прелюбодеев, не важно, мужчина это или женщина, казнили жестоко — растягивали между вбитыми в землю кольями и рассекали на куски. Так же казнили и воров.

Среди волжских болгар были как мусульмане, так и язычники. Первое понятно: одной из задач Ибн Фадлана (едва ли не главной) было как раз «исправление» болгарского мусульманства и миссионерская деятельность. В последнем он, надо полагать, преуспел весьма скромно, во всяком случае, сам Ибн Фадлан упоминает только об одной семье некоего Талута, обращенной им в ислам, который принял мусульманское имя Му-

хаммед, став, таким образом, тезкой своего наставника в вере. И сообщает о том, что именно он научил читать молитвы мусульман из племени баранджар, для которых была даже построена деревянная мечеть. Правда, кем построена, арабами или местными властями, из текста неясно.

Ибн Фадлан видел (или, может быть, слышал рассказ) похороны болгар-мусульманина, обряд которых отличался от канонического мусульманского. В частности, он сообщает о том, что болгары кладут вокруг могилы умершего его оружие и в течение двух лет справляют по нему траур, по окончании которого устраивают званый пир и совершают какие-то магические обряды со своими волосами.

О погребениях угров-язычников Ибн Фадлан ничего не пишет (или не видел, или они его не заинтересовали), хотя, как показывают материалы археологических памятников, и мусульмане, и язычники Волжской Булгарии относились друг к другу вполне терпимо (толерантно, как мы бы сказали сейчас). Наглядное тому свидетельство — Тетюшский могильник X—XI вв., на котором соседствуют как мусульманские, так и языческие погребения. Последние нам известны по материалам археологических раскопок, о чем было сказано выше.

А вообще-то складывается мнение, что особое любопытство у Ибн Фадлана вызвали даже не жители Волжской Булгарии, а славяне-русы, прибывшие туда «по своим торговым делам» (привезли на продажу рабов и меха). Впечатление они на него произвели самое противоречивое: с одной стороны, Ибн Фадлан пишет, что он «не видал людей с более

совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом». С другой — они же «грязнейшие из творений Аллаха», не моются, не соблюдают приличий в половых отношениях, поклоняются деревянным идолам.

Но особенно подробно Ибн Фадлан описал погребальные обычаи русов, которые имел возможность наблюдать лично. На нескольких страницах своего сочинения автор детально описывает многодневную подготовку к похоронам, сооружение погребального костра с водруженным на него кораблем, ритуальную свадьбу умершего с рабыней, которая должна последовать за ним на «тот свет», обильные жертвоприношения, ритуал сожжения корабля с посаженным в него покойником и его женой-наложницей, возведение над пепелищем земляного кургана. Описание Ибн Фадлана настолько детальное, что вдохновило известного русского живописца XIX в., мастера исторического жанра Г. Семирадского на написание картины «Похороны руса», выставленной сейчас в Государственном Историческом музее в Москве. Картина эта по сути является иллюстрацией к тексту Ибн Фадлана.

Вероятно, где-то ближе к осени 922 г. («когда ночи удлинлись, а дни сократились») багдадское посольство было отпущено восвояси. Каким

Репродукция картины худ. Г. Семирадского «Похороны руса»

маршрутом они возвращались в Багдад и сколько потратили на это времени, об этом Ибн Фадлан ничего не сообщает. Надо полагать, и в Багдаде послы не были встречены с триумфом. Как пишет А. П. Ковалевский, «с точки зрения халифского правительства посольство не достигло своих целей: огузы в мусульманство не обратились, болгары не приняли багдадских мусульманских обрядов, сохранив среднеазиатские, то, что послы не сумели доставить 4 000 динаров, подорвало престиж халифа в стране болгар. Посол Сусан, по-видимому, обвинил во всем этом Ибн Фадлана, он впал в немилость, и история с посольством была предана забвению. Арабоязычная литература того времени до Йакута (1224 г.) ничего не знает ни о нем, ни о его произведении».

Собственно, на этом рассказ о путешествии Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу можно было бы и закончить. Но поскольку выше уже было сказано, что мы используем его сочинение, как отправной пункт нашего путешествия во времени, то продолжать его мы будем, опираясь на другие источники, повествующие о событиях, Ибн Фадлану уже не известных. Двигаться мы будем тем же маршрутом, что и багдадские послы, но скачки во времени будем совершать неизмеримо большие.

В течение всего X в. века огузы оставались основной политической силой в степях Заволжья и Южного Приуралья, доставляя немало хлопот своим западным соседям — хазарам. Уже известный читателю арабский автор ал-Масуди писал о том, что огузы, приходившие на зимовку в район Волжской Дельты, дождавшись, когда река замерзнет, переходили ее по льду и нападали на «страну хазар». И совершали они свои набеги регулярно, так что хазарскому кагану приходилось держать на правом берегу Волги постоянные воинские заслоны, «чтоб удерживать Гуззов, препятствовать им в переправе по замерзшей реке и удалять их от его государства». Совершали огузы набеги и на города Средней Азии. В анонимном персидском сочинении «Худуд ал-Алам» («Картины мира»), составленном в 982—983 гг., говорится о том, что воинственные огузы «беспрерывно нападают на земли ислама, уничтожая все, что ни есть на пути, и отступают, как только сочтут это возможным». Воинственные и отважные в боях огузы привлекали к себе внимание и более отдаленных государей. Советский археолог и историк С. П. Толстов, например, считал, что киевский князь Святослав Игоревич в 965 г. громил Хазарский каганат с помощью огузов. А под 985 г. «Повесть временных лет» совершенно определенно указывает на то, что сын Святослава, князь Владимир (Владимир Креститель), совершая поход на волжских болгар, также имел в союзниках огузов: «В лето 6493 (985) Иде Володимир на Болгары с Добрынею, уем своим в лодьях, а Торкы (так русские называли огузов) берегом приведе на конех, и тако победи Болгары».

Сообщение русской летописи о походе огузов-торков на Волжскую Булгарию — это, собственно, последнее свидетельство об активных военных действиях огузов на границах Восточной Европы и об их пребывании в Поволжье в X в.

Как ни сильны были огузы, но на всякую силу всегда найдется более сильная сила, особенно в кочевой Степи. В середине XI в. они сами подверглись мощному удару с востока, со стороны сары-кыпчаков (они же — половцы русских летописей) — кочевых племен, пришедших из степей Южной Сибири и Центрального Казахстана. Мы уже говорили о том, что войны между кочевыми племенами протекали стремительно. Поэтому, если у армянского историка Матфея Эдесского мы читаем о том, что в 1050—1051 гг. огузы и печенеги были разгромлены в степях Северного Кавказа «рыжеволосым народом хардеш» (кыпчаками-половцами), то уже в 1055 г., как об этом сообщает киевский летописец, огузы (торки) и половцы одновременно появляются у границ Руси. Здесь огузы вновь встретились со своими «заключенными друзьями» печенегами и быстро очистили от них южнорусские степи. Деваться печенегам было фактически некуда: путь за Дунай означал вторжение на территорию Дунайской Болгарии и северных провинций Византийской империи. Однако и болгарам, и византийцам печенеги слишком были памятны, как союзники князя Святослава, огнем и мечом ходившего по Балканскому побережью Черного моря. Поэтому печенеги и ушедшая с ними часть башкир переселяются в пределы Венгерского Королевства, король которого Бела IV выделил им для расселения несколько областей в восточных прикарпатских районах своего государства. Именно там венгерский археолог академик Чанад Балинт выделил серию погребений, по своим признакам (захоронение вместе с человеком конской шкуры или чучела коня) близкие с печенежскими.

Пока они не были окончательно ассимилированы мадьярами-венграми, венгерские печенеги и башкиры нет-нет да попадали в поле зрения восточных авторов. Так, в начале XII в. арабский автор Якут ал-Хамави писал о том, что в сирийском городе Алеппо он встретил башкир — подданных венгерского короля. Нужно сказать, что сами венгры отнюдь не чужаются своих тюркских предков. Еще в XIX — начале XX вв. в замках венгерских баронов не редкость было увидеть портреты родоначальников из числа тюркских и печенежских ханов (портреты, естественно, сочиненные живописцами).

Огузам-торкам, оказавшимся зажатыми между кыпчаками-половцами, Киевской Русью и Византией, тоже пришлось «не сладко». Первоначально они еще пытались установить свою гегемонию в степях Восточной Европы и даже в 1064—1065 гг. совершают набег на Византию. Но ворвавшись во Фракию и Македонию, они подхватили какую-то

Древний башкир (современная репродукция)

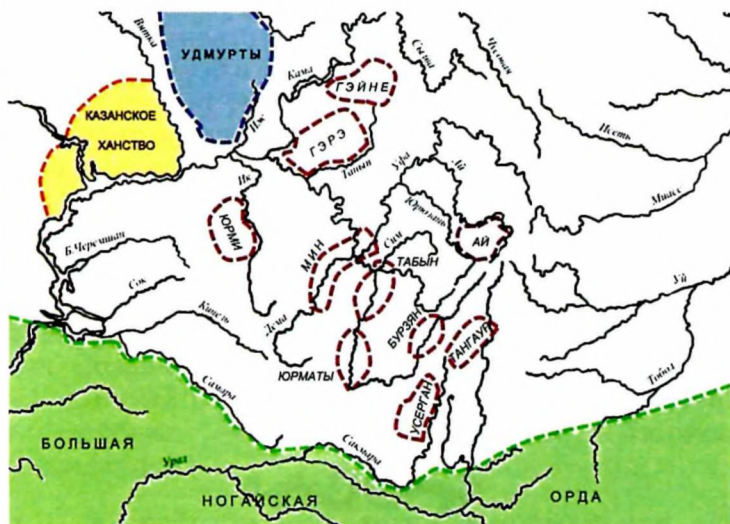
эпидемию и частью вымерли, а частью были вырезаны своими извечными врагами печенегами. Остатки огузо-торческих племен искали спасения под державной рукой киевского князя, начиная с 1060 г. вынужденного отражать половецкие набеги, ставшие регулярными. Заинтересованные в создании вдоль своих южных рубежей антиполовецкого «буфера», киевские князья принимали к себе кочевников и расселяли их на почти пустующих землях Днепровского правобережья. Уже в 1080 г. существовало несколько областей компактного расселения огузов-торков вдоль южных границ Руси, а в 1093 г. уже существовал «Торческий град» — городище Шарки на р. Рось, в 80 км южнее Киева. Появление такого города едва ли было бы возможным без оформления вассальных отношений между торками и киевским князем.

Судьба заволжских печенегов не ясна, поскольку источников, проливающих свет на этот вопрос, просто не существует. Возможно, в массе своей они тоже ушли вместе со своими «сюзеренами» огузами на запад. Но, с другой стороны, археологи среди материалов булгарских поселений X—XI вв. находят много фрагментов глиняной посуды печенежского типа: плоскодонные горшки грубой ручной лепки, бедно орнаментированные. Это дает основание предполагать, что перед лицом кыпчакско-половецкого нашествия они предпочли больше не испытывать судьбу и ушли «под крыло» булгарских ханов, к тому времени уже создавших свое мощное государство, соперничавшее с Киевской Русью.

Таким образом, под звон сабель и посвист половецких стрел история огузов и печенегов стремительно шла к своему концу...

А история башкир только начиналась. Теснимые вначале печенегами, — хотя и союзники, но место под солнцем нужно каждому свое — а затем и отступая перед натиском кыпчаков-половцев, башкиры все дальше и дальше заходили в Волго-Уральскую лесостепь. Академик Р. Г. Кузеев считал, что Бугульминско-Белебеевская возвышенность становится центром «Древней Башкирии». Выше мы постарались показать, что это не совсем так: территория Бугульминской возвышенности по своим природным показателям плохо подходила для ведения кочевого образа жизни. Скорее всего, древние башкирские роды, спасаясь от кыпчакско-половецкого нашествия, обходили возвышенность с запада, по бассейну Шешмы, Зая и Ика, и с востока, по бассейну Демы. Кочуя по долинам Шешмы и Зая, древние башкиры вступали в контакты с болгарскими и угорскими (мадьярскими) племенами, оставшимися здесь после ухода древних мадьяр-венгров на запад, брали себе в жены их женщин и от этих браков рождались дети, составившие затем костяк башкирского племени буляр (булэр). Название это, по мнению Р. Г. Кузеева, имеет болгарское происхождение.

Другим башкирским племенем, расселившимся по соседству с волжскими булгарами, было племя байлар (байгар). Это были потомки древнетюркских племен, выходцы из степей Центральной Азии. До своего прихода на Южный Урал они прошли через степи Южной

Карта расселения древних башкир в Приуралье по Р. Г. Кузееву

Сибири, Казахстана и Средней Азии и везде оставили свой след. Ученые-историки и этнологи зафиксировали *этноним* байлар у казахов, узбеков, крымских татар, уйгуров и монголов, то есть у всех тех народов, чью этническую основу составляли древние тюрки.

Бассейн р. Демы стал этнической территорией башкирского племени *мин* (*минг*), также своим происхождением связанного с древнетюркским кочевым миром. Исторические предания минцев сохранили в себе сведения о том, как их предки еще в VII – VIII вв. кочевали вместе с огузами на берегах Сырдарьи. А сам этноним мин также встречается у других тюркских народов — ногайцев, киргизов и узбеков.

Южнее, на границе Приуральской лесостепи и степи, расселились племена башкир *бурзян*, *усерган* и *тангаур*. Все они — тюркского происхождения, родственные печенегам. Так, Р. Г. Кузеев, опираясь на сведения средневековых арабских авторов и башкирские исторические предания, вообще считал, что именно эти племена и составляли авангард печенежской миграции в Восточную Европу. Во всяком случае, этноним бурзян (бурджан) зафиксирован на Северном Кавказе, в Причерноморье, Дунайской Болгарии, то есть во всех тех местах Восточной Европы, где побывали печенеги.

Именно эти племена и определяли этнический облик и культуру «Древней Башкирии», границы которой в XI – XII вв., по определению Р. Г. Кузеева, простирались от предгорий Южного Урала на востоке и до верховьев левых притоков р. Волги — Шешмы, Зая, Кундурчи — на западе. Северная ее граница определялась долиной р. Белой, по правому берегу которой шумели леса, пугавшие степняков-кочевников своим сумраком и теснотой. На юге такой же естественной границей «Древней Башкирии» был Яик-Урал, южнее которого в бескрайних степях «Урало-Каспийского коридора» паслись кыпчакские табуны, дымили кострами их кочевья, бушевали свои политические страсти и интриги. По образному выражению Р. Г. Кузеева, кочевые тюркоязычные племена, населявшие в XI – XII вв. «Кыпчакскую степь» (Дашт-и-Кыпчак) в ее приуральской части, до поры до времени оставались «потенциальными башкирами», поскольку рано или поздно, в силу различного рода исторических обстоятельств, были вынуждены вливаться в состав древних башкир. Но это, как говорят в таких случаях, «уже совсем другая история».

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Ассимиляция — поглощение одного народа другим, более многочисленным и сильным, в результате чего теряются этнические особенности и утрачивается язык.

Аталычество (тюрк. *аталык* — отцовство, *ата* — отец) — обычай временного взаимного обмена сыновьями. Дети знатных родителей передавались в семьи вассалов или слуг на воспитание. Был распространен среди тюркских народов. Возвращение воспитанника в родную семью происходило по достижении им определенного возраста в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателем и родителями. Аталычество также способствовало изучению обычаев и языков соседей, являлось сдерживающим фактором при межплеменных конфликтах. Исчезло с отменой феодальных отношений.

Визирь, также **вазир**, **везер**, **везир**, **визир** (от перс. *viḥ'īr* арбитр/тот, кто решает) — титул министров и высших сановников во многих мусульманских государствах, глава всей администрации как военной, так и гражданской.

Гулямы — в средние века рабы в мусульманских странах. В государстве Аббасидов гулямы — постоянная конная гвардия. Создана при халифе Мамуне (правил в 813—893 гг.), который набирал их из юных рабов, привезенных из-за рубежа (главным образом тюркского происхождения).

Джинны — в арабской мифологии незримые для людей разумные существа, созданные Богом наряду с людьми

и ангелами. Джинны — земные создания обоего пола, обладают свободой воли и бывают добрыми и злыми.

Джут (*тюрк.*) — массовый падеж скота, вызванный засухой и бескормицей.

Динар (от *лат.* *denarius* — денарий) — наиболее распространенная в прошлом золотая монета стран мусульманского Востока, впервые начала чеканиться в VII в., содержала около 2,4 г золота.

Древнетюркское руническое письмо — письменность, применявшаяся в Центральной Азии для записей на тюркских языках в VIII—X вв. Руническим названо по форме знаков, напоминающих германские руны.

Икама — узаконенная Кораном молитва для мужчин. Женщины не имеют права произносить ее. С чтения икамы начинается любое мусульманское богослужение.

Йаджудж и Маджудж — в мусульманской мифологии народы, живущие на далеком востоке и распространяющие нечестие по земле. Согласно Корану, Зу-л-Карнайн (Александр Македонский), дойдя до мест, где жили Й. и М., построил между двумя горами сдерживающую эти народы железную стену. В Коране говорится, что накануне страшного суда Й. и М. сломают стену «и устремятся с каждой возвышенности». Предание добавляет, что Й. и М. каждую ночь пытаются сделать подкоп под стену, но Аллах наутро заделывает бреши. Люди эти высоки и широки, а у некоторых уши могут закрыть все тело. Вырвавшись из-за стены, они покорят всю землю, выпьют всю воду из Тигра, Евфрата и Тивериадского озера, перебьют всех людей. Потом они станут пускать стрелы в небо, и Аллах погубит их, наслав червей, которые закупорят их носы.

Каганат — государство, правитель которого носил титул каган (*монг.* — каан).

Кресало — железный стержень, согнутый в виде овала, которым ударяли по куску кремня с целью высекания огня.

Лествичное право (родовой или майоратный принцип наследования) — обычай княжеского престолонаследия в Тюркском каганате, Киевской Руси и Татарских ханствах чингизидов. Все русские князья Рюриковичи считались братьями (родичами) и совладельцами всей страны. Поэтому старший в роду сидел в Киеве, следующие по значению в менее крупных городах. Женщины к наследованию не допускались. Княжили в таком порядке: старший брат
младшие братья по порядку
сыновья старшего брата (по старшинству)
сыновья следующих братьев (по старшинству)
внуки, правнуки в той же последовательности и т. д.

Майдан (перс. — meydan) — персидское по происхождению слово, означающее любую открытую площадку, парк или площадь. В тюркских языках стал употребляться для обозначения главной торговой площади в городе.

Миграция — переселение отдельных людей (мигрантов) или народов.

Муаллим — араб. наставник.

Муэzzин (араб. муэzzин, муаддин, буквально — объявляющий, приглашающий) — служитель мечети, провозглашающий призыв мусульман к молитве.

Ойкумена, экумена (греч. oikumene, от oíkeo — обитаю, населяю) — термин, употребляемый для обозначения населенной человеком части земли. Древние греки включали в понятие ойкумена Европу (кроме Северной), Малую и Переднюю Азию, Индию и Северную Африку.

Полиэтничный и полирелигиозный — государство или общество, состоящее из нескольких народов, исповедующих различные религии.

Тотемизм — некогда почти универсальная и ныне еще существующая религиозно-социальная система, в основании которой лежит своеобразный культ так называемого тотема. Термин этот впервые был применен учеными

в конце XVIII в., заимствован у североамериканского племени оджибва, на языке которых *totem* означает название и знак, герб клана, а также название животного, которому клан поклоняется. Нет такого объекта, который не мог бы быть тотемом, однако наиболее распространенными (и, по-видимому, древними) тотемами были животные.

Факих — мусульманский правовед, знаток шариата.

Фаллос (греч. *phallos*) — мужской половой орган. Изображение фаллоса у народов многих регионов (Др. Индия, Египет, Греция, М. Азия, Кавказ и др.) с эпохи каменного века — символ оплодотворения или порождающего начала природы.

Фарсах — персидская мера длины в эпоху средневековья, равная расстоянию около 6 км.

Халиф (калиф) — титул верховного главы мусульманской общины; глава мусульманского теократического государства (халифата). Первым халифом после смерти Мухаммеда в 632 г. стал Абу Бекр. Халифы считались заместителями Мухаммеда, а начиная с династии Омейядов — заместителями Аллаха на земле.

Ханифиты — один из четырех правоверных мусульманских толков, ведущий свое начало от имама Абу-Ханифы (ум. в 767 г.). В первые века ислама, когда мусульманская догматика и право были еще в стадии выработки, ханифиты оказались прогрессивнее трех других толков, потому что по примеру своего учителя Абу-Ханифы они оказались наиболее склонны держаться не буквы, а духа Корана и Сунны. Ханифизм — официальное вероисповедание мусульман Европейской и Азиатской Турции (XIX в.), Туркестана, Индии; большая часть российских татар — ханифиты (но на Кавказе многие из татар — шафииты).

Хутба — мусульманская проповедь, совершаемая имамом во время пятничного полуденного богослужения в мечети, а также по праздникам. Хутба обычно начинается с прославления Аллаха и его пророка.

Шафииты — последователи одной из четырех религиозно-правовых школ или систем Ислама, основателем которой был Мухаммед ибн аш-Шафин (767 — 820). Провозглашали и отстаивали абсолютную непогрешимость мусульманской общины.

Эль (иль) — *тюрк.* народ, страна.

Этногенез (*греч.* этнос — народ и генезис — происхождение, рождение) — процесс формирования народов-этносов.

Этноним — название народа, этноса.

Ясак — дань установленного по договору объема в виде натурального продукта.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЬ АХМЕДА ИБН-ФАДЛАНА.....	3
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	57

Подписано в печать 09.08.10. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 19,31. Уч.-изд. л. 3,98. Тираж 2 500. Заказ 1.0094.10.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Отпечатано на Государственном унитарном предприятии
Республики Башкортостан «Уфимский полиграфкомбинат».
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Бишевой

